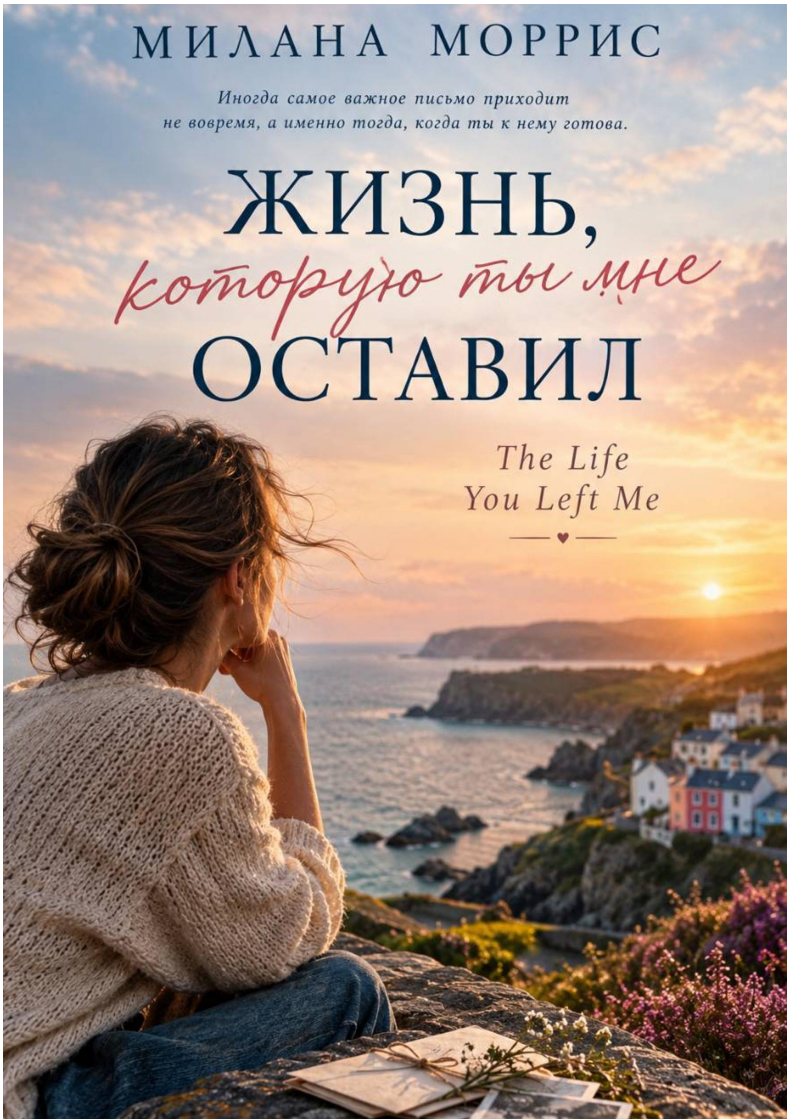
МИЛАНА МОРРИС

Иногда самое важное письмо приходит
не вовремя, а именно тогда, когда ты к нему готова.

ЖИЗНЬ, которую ты мне ОСТАВИЛ

The Life
You Left Me



Милана Моррис

Жизнь, которую ты мне оставил

https://litres.ru/74693627
SelfPub; 2026

Аннотация

А если человек, разбивший тебе сердце, всё это время пытался тебя спасти?

Пять лет назад Джеймс Уокер ушёл из жизни Эмили Паркер, не объяснив почему. Она научилась жить без него. Почти.

Но однажды приходит письмо, написанное Джеймсом десять лет назад. Внутри — старая фотография незнакомки и просьба, от которой зависит нечто большее, чем кажется.

«Найди её. Передай фотографию. И скажи, что я наконец сдержал своё обещание».

Эмили отправляется в маленький ирландский городок, где чужие воспоминания хранят правду о её собственной любви. С каждым шагом прошлое становится всё опаснее, а мужчина, которого она считала предателем, — всё более незнакомым.

Почему он молчал? Что обещал этой женщине? И сколько любви может пережить одна история, прежде чем станет слишком поздно?

Одно письмо. Одна тайна. Одна любовь, которую время не смогло стереть.

Роман о разбитых сердцах, неожиданных открытиях и втором шансе, который приходит совсем не так, как мы мечтали.

Содержание

Глава 1 5
Письмо, которое опоздало на десять лет 5
Глава 2 30
Десять лет назад 30
Глава 3 51
Чужой почерк 51
Глава 4. Женщина на фотографии 70
Глава 5. Люди, которые знают слишком много 88
Глава 6. Мужчина, которого я помнила 110
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Милана Моррис
Жизнь, которую ты мне оставил

Глава 1

Письмо, которое опоздало на десять лет

В тот вторник Эмили Паркер трижды собиралась уволиться, дважды плакала в туалете и один раз отправила своему начальнику письмо, в котором назвала его человеком, способным превратить даже чужой гений в корпоративную презентацию на сорок семь слайдов.

К несчастью, письмо она действительно отправила.

К ещё большему несчастью, её начальник умел читать.

— Эмили, — произнёс Дэвид Коллинз, стоя у её стола с выражением человека, который только что обнаружил крысу в бокале шампанского. — Ты можешь объяснить, что означает фраза «если бы у скуки было лицо, оно просило бы тебя перестать говорить»?

Эмили подняла глаза от монитора.

За окном серел Лондон. Мелкий дождь стекал по стеклу, превращая соседние здания в акварельные пятна. В переговорной напротив кто-то оживлённо жестикулировал, изображая человека, которому действительно нравилось обсуждать стратегию продвижения зубной пасты.

Эмили посмотрела на Дэвида.

Ей было тридцать пять лет. Она платила за квартиру в районе Клэпхэм, покупала кофе, который стоил неприлично дорого, и уже семь лет работала в рекламном агентстве, где люди всерьёз произносили слова «эмоциональная вовлечённость потребителя», не испытывая при этом никаких эмоций.

Она считала себя взрослой женщиной.

И всё же прямо сейчас ей хотелось сказать начальнику, что он может засунуть свою презентацию туда, где даже сорок семь слайдов не спасут положение.

Вместо этого она улыбнулась.

— Это метафора.

— Чего?

— Вашего таланта вдохновлять команду.

Дэвид медленно моргнул.

— Ты уволена?

— Я пока не получала такого письма.

— Я спрашиваю, не собираешься ли ты уволиться.

— Сегодня? Нет. У меня списание за электричество в чет-

верг.

Он посмотрел на неё ещё несколько секунд, словно пытался решить, была ли она всегда такой или это результат какого-то неудачного эксперимента.

— В мой кабинет. Через пять минут.

— Конечно.

Когда он ушёл, Эмили закрыла глаза.

— Господи, — прошептала она. — Если ты существуешь, пошли мне богатого мужа. Или хотя бы человека, который умеет пользоваться электронной почтой.

— Богатый муж тебе не поможет, — сказала женщина за соседним столом. — Ты потратишь его деньги на книги и будешь жаловаться, что он слишком много работает.

Эмили повернулась.

— Во-первых, я не жалуюсь. Во-вторых, книги — это инвестиция в моё психическое здоровье. В-третьих, откуда ты знаешь, каким будет мой муж?

— Потому что ты уже двадцать минут смотришь на фотографию какого-то ирландского побережья на заставке телефона.

Эмили посмотрела на экран.

Там действительно был океан.

Она быстро заблокировала телефон.

— Это просто красивый пейзаж.

— Разумеется.

— Я не думаю об Ирландии.

— Я ничего не говорила об Ирландии.

Эмили медленно повернулась обратно к монитору.

Иногда ей казалось, что главная проблема взрослой жизни заключается не в счетах, не в работе и даже не в необходимости самостоятельно менять лампочки. Главная проблема состояла в том, что окружающие люди начинали замечать твою ложь раньше, чем ты успевала убедить в ней саму себя.

Особенно когда эта ложь касалась вещей, о которых ты не хотела думать.

Например, о мужчине, которого не видела пять лет.

Или о том, что однажды, очень давно, она собиралась стать писательницей.

В половине седьмого Эмили вышла из офиса с ощущением человека, которому удалось пережить небольшую войну, но никто не собирался вручать ему за это медаль.

Дэвид не уволил её. Вместо этого он попросил написать объяснительную записку, пройти дополнительный инструктаж по корпоративной коммуникации и подготовить новую версию презентации.

Сорок девять слайдов.

Эмили подозревала, что это была месть.

На улице пахло мокрым асфальтом и жареными каштанами. Люди спешили к метро, пряча лица в шарфы. У входа в кофейню двое мужчин спорили о футболе, а девушка в ярко-жёлтом пальто пыталась одновременно говорить по теле-

фону и удерживать зонтик, который ветер настойчиво стремился унести в сторону Темзы.

Эмили остановилась у светофора и посмотрела на своё отражение в витрине.

Тёмные волосы выбились из небрежного пучка. Под глазами залегли тени. На плече висела сумка, в которой находились ноутбук, ежедневник с пустыми страницами и роман, который она носила с собой уже три месяца, но прочитала только до сорок второй страницы.

Она выглядела как женщина, у которой всё под контролем.

Это было особенно смешно, потому что даже собственные комнатные растения она не могла убедить жить дольше двух месяцев.

Её телефон завибрировал.

Софи:

Ты жива?

Эмили:

Физически.

Софи:

Дэвид?

Эмили:

Сорок девять слайдов.

Софи:

Господи. Я знала, что однажды он зайдёт слишком далеко.

Эмили:

Если завтра меня найдут мёртвой среди рекламных слоганов, передай полиции, что я умерла, защищая право людей покупать зубную пасту без эмоциональной привязанности.

Софи:

Принято. Ужин у меня. Вино купила. Приходи.

Эмили улыбнулась.

Софи Беннетт была её лучшей подругой уже двенадцать лет — достаточно долго, чтобы знать, когда Эмили действительно нуждается в помощи, а когда просто хочет, чтобы кто-нибудь подтвердил: мир сошёл с ума, а она одна осталась в здравом рассудке.

Обычно это происходило одновременно.

Эмили убрала телефон в карман и пошла к станции метро.

Она не знала, что через два часа её жизнь начнёт меняться.

Впрочем, если бы знала, то, вероятно, купила бы по дороге ещё одну бутылку вина.

Квартира Эмили находилась на третьем этаже небольшого кирпичного дома с зелёной дверью и лестницей, которая скрипела так выразительно, будто каждый вечер пересказывала соседям все события дня.

Она жила здесь четыре года.

За это время успела сменить три диванные подушки, два чайника и шесть комнатных растений. Последнее погибшее растение до сих пор стояло на подоконнике. Эмили называла его мистером Томпсоном и отказывалась выбрасывать из принципа.

Она открыла дверь, бросила сумку на кресло и включила свет.

Квартира встретила её привычным полумраком. На столе лежала раскрытая книга, возле дивана стояла чашка со вчерашним чаем, а на холодильнике магнитом была прикреплена открытка с изображением ирландского побережья.

Эмили купила её много лет назад.

Тогда она ещё верила, что однажды обязательно поедет туда.

Не на выходные, не в организованный тур с расписанием экскурсий, а по-настоящему. Снимет маленький домик у моря, будет писать по утрам и гулять под дождём, не проверяя каждые пять минут рабочую почту.

Она хотела другой жизни.

Потом встретила Джеймса.

Потом потеряла его.

А потом как-то незаметно научилась откладывать собственную жизнь на потом.

Эмили сняла пальто, налила себе воды и подошла к почтовому ящику у входной двери. Обычно там обнаруживались счета, рекламные буклеты и письма, адресованные предыдущему жильцу, который, судя по всему, задолжал половине Лондона.

Сегодня внутри лежал один конверт.

Толстая бумага цвета слоновой кости. Никакого логотипа, никакого обратного адреса. Только её имя, написанное тёмными чернилами.

Emily Parker.

Эмили нахмурилась.

Почерк был аккуратным, немного наклонным. Буквы словно принадлежали человеку, который не торопился даже тогда, когда опаздывал.

Она перевернула конверт.

На обратной стороне ничего не было.

— Счёт за электричество, — предположила она вслух. — Или письмо о том, что меня разыскивает налоговая.

Но конверт был слишком старомодным для счёта и слишком личным для налоговой.

Эмили провела пальцем по краю бумаги.

На секунду ей показалось, что она уже видела этот почерк.

Не просто видела.

Знала.

Она отогнала мысль и положила конверт на стол.

Потом сняла обувь, умылась, переоделась в мягкие домашние брюки и свитер. Поставила чайник. Проверила телефон. Ответила на два сообщения Софи. Открыла рабочую почту, увидела тему «Обновлённая презентация — срочно» и немедленно закрыла ноутбук.

Только после этого она вернулась к конверту.

Некоторые вещи мы откладываем не потому, что они неважны.

А потому, что подозреваем: они могут оказаться слишком важными.

Эмили взяла нож для писем, который ей подарила мать на тридцатилетие, и осторожно вскрыла конверт.

Внутри лежали две фотографии и один сложенный лист бумаги.

Первая фотография была старой, с чуть выцветшими краями.

Эмили сразу узнала себя.

На снимке она стояла на деревянном пирсе, щурясь от солнца. Ветер трепал её волосы, а на губах играла улыбка, которую она давно не видела на своём лице.

Рядом стоял Джеймс Уокер.

Его рука лежала у неё на талии. Он смотрел не в камеру, а на неё — так, как смотрят на человека, которого хочется запомнить даже в мелочах.

Эмили перестала дышать.

Пять лет.

Пять лет она не произносила его имя без необходимости. Пять лет убеждала себя, что воспоминания со временем теряют остроту. Пять лет избегала ресторанчика, где они впервые поцеловались, и однажды перешла на другую сторону улицы, увидев мужчину с похожей походкой.

И вот он снова был здесь.

Не живой, не настоящий.

Всего лишь изображение на старой фотографии.

Но боль оказалась настоящей.

Эмили села на край дивана.

— Нет, — тихо сказала она.

Это было единственное слово, которое пришло ей в голову.

Она перевернула фотографию.

На обороте стояла дата — десять лет назад.

Под ней была короткая надпись:

Для Эмили. На тот случай, если ты когда-нибудь забудешь, что была счастлива.

Эмили закрыла глаза.

Она ненавидела эту фразу.

Не потому, что она была неправдой.

А потому, что была правдой.

В двадцать пять лет она была счастлива. Не постоянно, не безоговорочно, не так, как показывают в фильмах, где люди никогда не ссорятся из-за немытой посуды и не считают

деньги до зарплаты.

Но она была счастлива.

Она любила Джеймса. Любила его привычку читать последние страницы книги перед тем, как решить, стоит ли читать первые. Любила, как он морщил нос, когда пытался вспомнить слово. Любила его уверенность, что любой человек способен изменить свою жизнь, если однажды перестанет ждать разрешения.

И больше всего она любила то, какой становилась рядом с ним сама.

Девушкой, которая верила в будущее.

Эмили положила фотографию на стол и взяла вторую.

На ней была незнакомая женщина.

Лет пятидесяти пяти, с короткими светлыми волосами и внимательными глазами. Она стояла перед старым каменным домом, за которым виднелось море. Дом выглядел так, словно пережил не одно поколение штормов и не собирался сдаваться следующему.

Женщина не улыбалась.

Она смотрела прямо в камеру с выражением человека, который знает о тебе нечто важное и пока не решил, стоит ли говорить.

На обороте значились имя и адрес.

Elizabeth Hale.

Ирландия.

Эмили почувствовала, как внутри что-то неприятно сжа-

лось.

Она перевернула лист бумаги.

Письмо было написано от руки.

Она узнала почерк ещё до того, как прочитала первую строку.

Пальцы внезапно стали холодными.

Эмили,

если ты читаешь это письмо, значит, прошло достаточно времени.

Она остановилась.

Ей пришлось перечитать предложение дважды, потому что слова не складывались в смысл.

Я не знаю, где ты будешь, когда это письмо попадёт к тебе. Не знаю, будешь ли ты всё ещё злиться на меня. Наверное, будешь иметь на это полное право.

Есть одна вещь, которую я должен был сделать много лет назад.

Я обещал человеку, что найду способ всё исправить. Но я слишком долго пытался сделать это правильно и в итоге не сделал ничего.

Эмили почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она почти слышала его голос.

Спокойный, немного хрипловатый по утрам. Голос, который когда-то говорил ей, что она слишком много думает и слишком мало доверяет миру.

На второй фотографии — Элизабет Хейл. Найди её. Пе-

редай ей фотографию и скажи, что я наконец сдержал своё обещание.

Я понимаю, что не имею права просить тебя об этом.

Но больше мне некого попросить.

Джеймс.

Эмили долго смотрела на подпись.

Потом снова на дату.

Десять лет назад.

Десять.

Не пять.

Письмо было написано за пять лет до того, как Джеймс ушёл из её жизни.

За пять лет до последнего разговора, после которого она больше не видела его.

За пять лет до того, как она решила, что он просто разлюбил её.

Эмили перечитала письмо ещё раз, пытаясь найти объяснение, которое не заставило бы её сердце биться так сильно.

Возможно, это какая-то ошибка.

Возможно, кто-то нашёл старые вещи Джеймса и решил отправить ей письмо.

Возможно, это жестокая шутка.

Но кто мог знать об их фотографии? Кто знал, как выглядел почерк Джеймса? И главное — почему письмо было отправлено именно сейчас?

Она перевернула конверт и внимательно осмотрела его.

Почтовый штемпель был почти нечитаемым. На бумаге остался след от воды, а угол конверта был слегка потёрт, словно он долго лежал в коробке среди других вещей.

Это письмо не выглядело случайной находкой.

Оно выглядело как что-то, что слишком долго ждало своего часа.

Телефон зазвонил.

Эмили вздрогнула так сильно, что чуть не уронила фотографии.

На экране высветилось имя Софи.

— Ну? — весело спросила подруга. — Ты уже в пути? Я открыла вино и приготовила пасту. Если ты не приедешь, мне придётся съесть всё самой, а я не хочу просыпаться завтра с чувством вины.

Эмили попыталась ответить, но голос не послушался.

— Эм?

— Софи, ты помнишь Джеймса?

На другом конце стало тихо.

Не на секунду. Не на две.

Достаточно долго, чтобы Эмили поняла: вопрос был лишним.

— Конечно, помню, — наконец сказала Софи. — Что случилось?

Эмили посмотрела на фотографию.

На себя — молодую, счастливую, не подозревающую, что однажды ей придётся учиться жить без человека, который

держит её за руку.

— Мне пришло письмо.

— От кого?

Эмили сглотнула.

— От Джеймса.

Тишина.

Затем Софи тихо выдохнула:

— Это невозможно.

— Я тоже так думаю.

— Эмили, Джеймс не писал тебе пять лет. Мы даже не знаем, где он сейчас.

— Я знаю.

— Тогда откуда письмо?

Эмили посмотрела на дату.

— Оно написано десять лет назад.

Софи ничего не ответила.

И впервые за всё время их дружбы Эмили не смогла представить, какую шутку подруга могла бы сказать, чтобы сделать эту ситуацию хоть немного менее страшной.

— Я сейчас приеду, — наконец произнесла Софи.

— Не нужно.

— Это не обсуждается.

— Софи…

— Эмили, я уже вызываю такси. И если ты скажешь, что всё в порядке, я лично приеду и проверю, не ударилась ли ты головой.

Эмили слабо улыбнулась.

— Хорошо.

— И не трогай больше ничего. Особенно не звони никому, не отправляй сообщений и не принимай никаких решений.

— Я что, выгляжу как человек, который способен на необдуманные решения?

— Ты однажды купила кофемашину за шестьсот фунтов после того, как бариста сказал, что у тебя грустные глаза.

— Она была со скидкой.

— Ты даже не пьёшь эспрессо.

— Я учусь.

— Я буду через двадцать минут.

Софи отключилась.

Эмили положила телефон рядом с письмом.

Несколько секунд она просто сидела, слушая шум дождя за окном.

Потом снова взяла фотографию.

Джеймс улыбался ей с бумаги.

Ей захотелось спросить его, что всё это значит. Почему он оставил ей письмо, которое не отправил вовремя. Почему просил о помощи, если уже давно не был частью её жизни. Почему даже теперь, спустя пять лет молчания, ему удавалось заставить её чувствовать себя так, словно между ними не было ни одного прожитого врозь дня.

Но фотография не могла ответить.

И письмо тоже.

Она перевернула снимок ещё раз и провела пальцем по надписи.

На тот случай, если ты когда-нибудь забудешь, что была счастлива.

— Я не забыла, — прошептала Эмили.

И тут же пожалела об этих словах.

Потому что правда заключалась в другом.

Она помнила всё.

Именно поэтому ей так долго не удавалось стать счастливой снова.

Софи приехала через двадцать три минуты с бутылкой вина, пакетом еды и выражением лица, которое обычно появлялось у неё перед тем, как она собиралась кого-нибудь спасать или убивать.

Иногда эти занятия требовали одинаковой подготовки.

— Показывай, — сказала она вместо приветствия.

Эмили молча протянула ей письмо.

Софи прочитала его один раз.

Потом второй.

Затем села рядом и посмотрела на фотографии.

— Господи, — произнесла она наконец. — Это действительно его почерк.

— Да.

— И это действительно Джеймс.

— Да.

— И письмо действительно датировано десятью годами назад.

— Софи, я умею читать даты.

— Я пытаюсь не сойти с ума, дай мне минуту.

Она положила письмо на стол и сняла пальто.

Некоторое время подруги молчали.

За окном дождь усилился. Где-то внизу хлопнула дверь подъезда, по лестнице пробежали чьи-то шаги. В соседней квартире играла музыка — что-то старое и меланхоличное, с гитарой и голосом, будто певец всю жизнь пытался кому-то что-то объяснить.

— Ты поедешь? — спросила Софи.

Эмили подняла голову.

— Куда?

— В Ирландию.

— Я ещё не решила.

— Решила.

— Я ничего не решила.

— Эмили, ты смотришь на адрес так, словно уже мысленно покупаешь билет.

Эмили хотела возразить, но посмотрела на собственные руки.

Она действительно держала телефон с открытым сайтом авиакомпании.

Софи вздохнула.

— Послушай. Я не знаю, что это за история и почему

Джеймс решил втянуть тебя в неё спустя столько лет. И мне совсем не нравится, что он снова появляется в твоей жизни в виде загадки, на которую ты должна потратить собственные нервы.

— Он не появляется в моей жизни. Он мёртвым грузом лежит на моём столе.

— Это метафора, да?

— Я работаю в рекламе. У меня профессиональная деформация.

Софи не улыбнулась.

— Ты ведь понимаешь, что можешь не ехать?

Эмили кивнула.

Конечно, понимала.

Она могла убрать письмо в ящик, спрятать фотографии в коробку и вернуться к своей жизни. Завтра снова пойти на работу, сделать сорок девять слайдов, пожаловаться на Дэвида и купить кофе, который не стоил своих денег.

Она могла позволить прошлому остаться прошлым.

Но тогда ей пришлось бы жить с вопросом, почему человек, которого она когда-то любила, оставил ей просьбу, которую не успел выполнить сам.

И с другим вопросом, ещё более неприятным.

Почему он выбрал именно её?

— Я просто хочу узнать правду, — сказала Эмили.

Софи посмотрела на неё с нежностью, которую обычно прятала за сарказмом.

— Я знаю.

— И я не собираюсь искать Джеймса. Я не собираюсь его разыскивать, звонить ему или пытаться выяснить, где он живёт. Я просто найду эту женщину и передам фотографию.

— Конечно.

— Софи.

— Я верю тебе.

— Ты говоришь это так, будто не веришь.

— Потому что я знаю тебя.

Эмили отвернулась к окну.

За стеклом город расплывался в огнях. Где-то там люди возвращались домой, ужинали, ссорились из-за мелочей, мирились, планировали отпуск и обсуждали, что приготовить на выходных.

Обычная жизнь.

Та самая, которую она так долго пыталась не замечать, потому что боялась признаться: ей хочется чего-то большего.

— Знаешь, что самое странное? — спросила она.

— Что?

— Я думала, что, если когда-нибудь снова увижу его имя, мне будет больно. Но не настолько.

Софи ничего не сказала.

— А теперь мне кажется, что я снова стою в той точке, где всё закончилось. Только я не понимаю, почему.

— Ты не стоишь там, Эм, — мягко ответила Софи. — Ты сидишь в собственной квартире, у тебя есть работа, друзья

и отвратительный начальник. Ты просто получила письмо.

Эмили посмотрела на неё.

— Иногда ты говоришь удивительно разумные вещи.

— Не распространяйся. У меня репутация.

Они обе засмеялись.

И на несколько секунд всё стало почти обычным.

Потом Эмили снова посмотрела на фотографию незнакомой женщины.

Элизабет Хейл.

Она не знала эту женщину. Не знала, что связывало её с Джеймсом, и почему обещание, данное десять лет назад, оказалось настолько важным, что он решил доверить его бывшей возлюбленной.

Но она уже чувствовала, что письмо изменило что-то внутри неё.

Не вернуло любовь.

Не воскресило прошлое.

Просто открыло дверь, которую она считала запертой.

И за этой дверью было что-то, чего она боялась больше всего на свете.

Правда.

В ту ночь Эмили почти не спала.

Она лежала в темноте, слушала дождь и вспоминала день, когда Джеймс ушёл.

Они стояли на кухне её прежней квартиры. На плите осты-

вал чайник, на столе лежали билеты в кино, которые они так и не использовали. Джеймс смотрел на неё так, словно хотел что-то сказать, но каждое слово причиняло ему боль.

— Я не могу продолжать так, — сказала тогда Эмили.

Он молчал.

— Если ты больше не хочешь быть со мной, просто скажи.

Он поднял глаза.

— Эм…

— Не надо. Не говори, что всё сложно. Не говори, что мне нужно время. Я не хочу быть человеком, которого ты оставляешь на всякий случай.

Джеймс провёл ладонью по лицу.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Он посмотрел на неё.

И ничего не объяснил.

Эмили до сих пор помнила, как долго ждала ответа. Как пыталась найти в его лице хоть что-то, за что можно было бы ухватиться. Как в какой-то момент поняла, что он не собирается её останавливать.

Она сама открыла дверь.

Он ушёл.

И только потом она позволила себе заплакать.

За пять лет Эмили придумала десятки объяснений его молчанию. Возможно, он разлюбил её. Возможно, встретил другую женщину. Возможно, испугался серьёзных отноше-

ний. Возможно, никогда не любил её так сильно, как она любила его.

Каждая версия причиняла боль, но у каждой было одно преимущество.

Она позволяла не задавать вопросов.

Теперь вопросы вернулись.

Эмили повернулась на бок и посмотрела на телефон.

На экране светилось сообщение от Софи.

Если завтра решишь лететь, я помогу с билетами. И не вздумай брать только ручную кладь. Ты всегда возвращаешься с книгами.

Эмили улыбнулась.

Потом открыла сайт авиакомпании.

Ввела название ирландского города, указанного в адресе Элизабет Хейл.

На экране появились рейсы.

Самый ранний — через три дня.

Эмили долго смотрела на расписание, а потом выбрала билет.

Нажала «Купить».

Подтверждение пришло почти мгновенно.

Она отложила телефон и закрыла глаза.

Это было безумие.

Она ехала в незнакомый город, чтобы найти женщину, о которой ничего не знала, и выполнить просьбу мужчины, с которым не разговаривала пять лет.

У неё не было плана.

Не было гарантий.

Даже не было уверенности, что Элизабет Хейл захочет с ней разговаривать.

Но впервые за долгое время Эмили чувствовала, что делает что-то не потому, что должна, а потому, что сама этого хочет.

Она ещё не знала, что в маленьком ирландском городке её ждут люди, которые помнят Джеймса совсем другим.

Что некоторые из них будут рады её приезду.

Другие — испуганы.

А одна женщина, увидев фотографию, произнесёт имя, которое Эмили не слышала с детства.

Она не знала и того, что письмо, пролежавшее десять лет, оказалось у неё не случайно.

Пока она знала только одно.

Джеймс Уокер оставил ей просьбу.

И впервые за пять лет Эмили не могла просто сделать вид, что не услышала его.

Она потянулась к выключателю, но перед тем, как погасить свет, ещё раз взяла фотографию.

На снимке Джеймс смотрел на неё с той самой улыбкой, которую она когда-то считала своим домом.

— Что же ты натворил, Джеймс? — прошептала она.

Фотография, разумеется, промолчала.

Но на этот раз Эмили была уверена: молчание — это ещё

не конец истории.

Глава 2

Десять лет назад

Десять лет назад Эмили Паркер была уверена, что однажды напишет книгу, уедет из Лондона и влюбится в человека, который никогда не станет просить её быть менее собой.

Она не знала только, в каком порядке всё это должно произойти.

С книгой дела обстояли плохо. Рукопись, которую она начала ещё в университете, состояла из тридцати двух страниц, трёх разных первых глав и одного предложения, которое Эмили считала настолько удачным, что боялась продолжать текст и всё испортить.

С отъездом было проще. Она регулярно покупала журналы о путешествиях, сохраняла фотографии маленьких европейских городков и могла часами изучать дома у моря, хотя её банковский счёт всякий раз напоминал, что пока ей доступнее поездка на автобусе до Брайтона.

С любовью всё было сложнее.

В двадцать пять лет Эмили считала, что любовь должна случаться внезапно, желательно в дождь, и желательно с человеком, который не будет раздражаться, если она остановится посреди улицы, чтобы прочитать надпись на старом

здании.

Она также считала, что никогда не влюбится в мужчину, который носит рубашки с закатанными рукавами, слишком серьёзно относится к кофе и читает последние страницы книг прежде, чем решить, стоит ли тратить на них время.

Последнее она узнала позже.

В тот четверг дождь шёл с самого утра.

Эмили опоздала на работу на двенадцать минут, пролила кофе на единственную чистую блузку и получила от начальницы сообщение с просьбой подготовить «нечто свежее, смелое и совершенно неожиданное» для рекламной кампании, бюджет которой не позволял даже купить нормальные стоковые фотографии.

К полудню она решила, что мир пытается ей что-то сказать.

К трём часам поняла, что мир просто идиот.

А в половине шестого, когда начальница попросила её остаться и переделать презентацию, Эмили впервые за день сделала что-то по-настоящему смелое.

Она сказала:

— Нет.

Начальница подняла глаза.

— Что?

Эмили почувствовала, как сердце ударило в рёбра.

— Я сказала, что не могу остаться. У меня планы.

Это была ложь. Её планы заключались в том, чтобы купить

продукты, вернуться домой и попытаться написать хотя бы один абзац своей книги.

Но в двадцать пять лет даже самые маленькие обманы иногда казались началом большой свободы.

— Хорошо, — холодно ответила начальница. — Тогда жду презентацию к девяти утра.

— Конечно.

Эмили вышла из офиса, прежде чем успела передумать.

На улице её встретил ветер, который немедленно раскрыл зонт в обратную сторону.

— Прекрасно! — крикнула она небу. — Именно этого мне и не хватало!

Прохожий обернулся.

Эмили улыбнулась ему с таким выражением, будто они только что обменялись любезностями, и поспешила к ближайшей станции метро.

Она не собиралась никуда заходить. Но, проходя по узкой улице в Блумсбери, заметила маленький книжный магазин, в котором никогда прежде не бывала.

Над дверью висела выцветшая вывеска: *The Paper Lantern*.

В витрине лежали старые романы, несколько открыток с изображением моря и керамическая кружка с надписью: «Я не грубый. Я просто думаю».

Эмили остановилась.

Потом посмотрела на часы.

Потом снова на витрину.

— Пять минут, — сказала она себе.

Это была ещё одна ложь.

Она толкнула дверь.

Колокольчик над входом тихо звякнул.

Внутри пахло бумагой, деревом и чем-то сладким, напоминающим корицу. Магазин оказался тесным, с высокими полками и узкими проходами. У дальней стены стоял старый диван, на котором лежал рыжий кот. На столе возле окна кто-то оставил чашку чая и раскрытую книгу.

За прилавком никого не было.

— Здравствуйте? — позвала Эмили.

В ответ послышался шум, затем тихое ругательство.

— Если вы пришли жаловаться на цены, я заранее признаю свою вину.

Из-за книжного стеллажа появился мужчина.

Он был примерно её возраста, может быть, на пару лет старше. Тёмные волосы слегка растрепались, рукава серой рубашки были закатаны до локтей. В одной руке он держал стопку книг, а другой пытался удержать на плече длинный шарф, который явно собирался соскользнуть на пол.

Он остановился, увидев её.

— Простите, — сказал он. — Я не знал, что у нас посетители.

Эмили посмотрела на вывеску за его спиной.

— Я надеялась, что это всё-таки книжный магазин, а не очень убедительная декорация.

Мужчина улыбнулся.

У него была улыбка человека, который не старался понравиться окружающим, но всё равно почему-то нравился.

— Зависит от того, что вы ищете.

— Книгу.

— Это хорошее начало.

— Вы всегда так разговариваете с покупателями?

— Только с теми, кто заходит в магазин во время дождя с таким выражением лица, будто собирается предъявить миру претензию.

Эмили посмотрела на него.

— А вы всегда делаете выводы о людях по выражению их лиц?

— Нет. Иногда ещё по обуви.

Она невольно рассмеялась.

Мужчина поставил книги на прилавок.

— Джеймс, — представился он.

— Эмили.

— Рад знакомству, Эмили, предъявляющая претензии миру.

— А я Джеймсу, который судит людей по обуви.

— Справедливо.

Он протянул ей руку.

Эмили пожала её.

Рукопожатие оказалось тёплым и совершенно обычным. Никакой электрической искры, никакого замедленного дви-

жения времени, никакой музыки, которую можно было бы услышать только в романтическом фильме.

Просто рука мужчины, который улыбался ей чуть дольше, чем требовала вежливость.

Иногда самые важные встречи начинаются именно так.

Никак.

Эмили бродила между полками, пока Джеймс разбирал книги.

Она любила книжные магазины. В них можно было провести целый час, ничего не купив, и всё равно чувствовать, что день прошёл не зря.

На полке у окна она нашла старое издание романа, который давно хотела прочитать. Книга была с потёртым переплётом и едва заметным пятном на обложке.

Она потянулась к ней одновременно с другой рукой.

Их пальцы соприкоснулись.

— Простите, — сказал Джеймс.

— Нет, берите.

— Вы первая.

— Вы тоже.

Они посмотрели на книгу.

Потом друг на друга.

— Мы можем разрезать её пополам, — предложил Джеймс.

— Конечно. А потом каждый прочитает свою часть и бу-

дет всю жизнь гадать, чем всё закончилось.

— Звучит как метафора современных отношений.

— Или как очень плохая рекламная кампания.

Он рассмеялся.

Эмили заметила, что у него возле правой брови есть тонкий светлый шрам. Она не знала, почему обратила на него внимание, но потом ещё долго помнила эту деталь.

— Вы давно работаете здесь? — спросила она.

— Достаточно, чтобы понимать: люди редко приходят за книгой, которую собирались купить.

— А за чем приходят?

— За той, которую надеются найти.

Эмили провела пальцем по корешку.

— Это звучит красиво. Вы сами придумали?

— Нет. Просто сегодня утром я пытался объяснить это одному мужчине, который искал книгу о рыбалке, а ушёл с биографией Черчилля.

— И как вы объяснили ему связь между Черчиллем и рыбалкой?

— Сказал, что оба требуют терпения.

Эмили снова рассмеялась.

Она не помнила, когда в последний раз смеялась так легко с незнакомым человеком.

— А вы всегда советуете людям не те книги, которые они ищут?

— Только когда уверен, что им нужна другая.

— Опасный подход к торговле.

— Я стараюсь не думать об этом слишком часто.

Джеймс взял книгу с полки и протянул ей.

— Вот. Думаю, вам понравится.

Эмили посмотрела на обложку.

— Почему?

— Потому что вы уже три минуты читаете аннотацию и пытаетесь сделать вид, что не заинтересованы.

— Возможно, я просто проверяю качество бумаги.

— Разумеется.

Она купила книгу.

Когда Джеймс пробивал покупку, Эмили заметила на прилавке открытку с изображением серого моря и маленького каменного дома.

— Это Ирландия? — спросила она.

Джеймс посмотрел на открытку.

На мгновение его лицо изменилось. Улыбка исчезла, а взгляд стал таким, словно он увидел что-то, чего не ожидал встретить здесь.

Но уже через секунду выражение вернулось.

— Да. Западное побережье.

— Вы там были?

— Я там вырос.

Эмили удивлённо посмотрела на него.

— Правда? Я всегда хотела побывать в Ирландии.

— Почему?

Она задумалась.

Вопрос был простым, но ответов оказалось слишком много.

— Мне кажется, там можно услышать собственные мысли, — сказала она наконец. — В Лондоне слишком много всего. Машины, люди, работа, уведомления. Иногда мне хочется оказаться в месте, где ничего не происходит.

— В Ирландии тоже много чего происходит.

— Например?

— Соседи могут обсуждать вашу жизнь ещё до того, как вы сами поймёте, что в ней что-то случилось. В маленьком городке новости распространяются быстрее, чем дождь по оконному стеклу. А если вы однажды скажете местному пекарю, что не любите его яблочный пирог, вам придётся уехать из страны.

— Вы преувеличиваете.

— Я вырос там. Я имею право.

Эмили улыбнулась.

— И всё-таки вы уехали.

Джеймс посмотрел на неё.

— Да.

Он произнёс это коротко, без объяснений.

Эмили не стала спрашивать почему. Она не знала его достаточно хорошо, чтобы требовать ответа.

Но почему-то почувствовала, что за этим простым словом скрывается гораздо больше, чем он хотел рассказать.

Когда Эмили вышла из магазина, дождь почти закончился.

Она раскрыла книгу, которую купила, и обнаружила внутри маленький бумажный билетик. На нём было написано от руки:

Если книга окажется плохой, возвращайтесь. Я найду вам другую.

Подписи не было.

Но внизу стояла маленькая нарисованная чашка кофе.

Эмили посмотрела на билетик и улыбнулась.

Это было глупо. Совершенно бессмысленно. Она даже не знала, был ли Джеймс владельцем магазина или просто помогал кому-то за прилавком.

И всё же всю дорогу домой она думала о нём.

Не о том, как он выглядел, хотя выглядел он вполне неплохо.

Не о его голосе, хотя голос у него был приятный.

Она думала о том, как легко с ним разговаривалось.

Будто ей не нужно было заранее придумывать правильные ответы, объяснять свои шутки или притворяться, что она не боится будущего.

В тот вечер Эмили открыла ноутбук, чтобы написать новую главу своей книги.

Она написала три предложения.

Потом четыре.

Потом удалила всё и написала первую фразу заново.

Через час у неё была целая страница.

Она не знала, что именно изменилось.

Возможно, просто хороший день наконец решил случиться.

Возможно, дело было в книге.

А возможно, иногда достаточно встретить человека, который на несколько минут заставит тебя почувствовать себя той версией себя, которую ты почти забыла.

В книжный магазин Эмили вернулась через три дня.

Она убеждала себя, что хочет купить ещё одну книгу. Это было вполне разумное объяснение, учитывая, что в её квартире уже стояли две полки с книгами, которые она собиралась прочитать, и одна коробка книг, которые собиралась прочитать после тех.

Но когда она подошла к двери *The Paper Lantern*, то обнаружила, что несколько минут поправляет волосы в отражении витрины.

— Прекрати, — сказала она себе. — Ты взрослая женщина.

Отражение не ответило.

Она вошла.

Колокольчик звякнул.

На этот раз Джеймс стоял за прилавком и пил кофе.

Увидев её, он посмотрел на часы.

— Вы вернулись.

— Я обещала вернуться, если книга окажется плохой.

— И как?

Эмили подняла книгу.

— Книга хорошая.

— Какое разочарование.

— Но билетик был очень милым.

Джеймс улыбнулся.

— Значит, я всё-таки сумел вас подкупить.

— Не обольщайтесь. Я пришла за другой книгой.

— Конечно.

Он поставил чашку и вышел из-за прилавка.

— Что вы ищете?

Эмили посмотрела на полки.

— Что-нибудь, после чего захочется изменить жизнь.

— У вас есть предпочтения по жанру?

— Желательно без трагической смерти главной героини.

— Высокие требования.

— Я не люблю, когда меня эмоционально шантажируют.

Джеймс задумался.

— Тогда вам нужна хорошая история о путешествии.

— Я никуда не собираюсь ехать.

— Все так говорят перед покупкой книги о путешествии.

Он повёл её к дальней стене, где стояли романы о людях, отправляющихся в незнакомые места и неожиданно находящих там нечто важное.

Эмили провела взглядом по корешкам.

— Вы всегда так хорошо понимаете, что нужно людям?

— Нет. Иногда я просто угадываю.

— А если ошибаетесь?

— Тогда они возвращаются и жалуются.

— И вы даёте им ещё одну книгу?

— Обычно.

Она посмотрела на него.

— Удобная система.

— Она работает уже несколько лет.

Джеймс вытащил книгу с зелёной обложкой и протянул ей.

— Попробуйте эту.

Эмили взяла её, но не стала читать аннотацию.

— А что, если я вернусь не из-за книги?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела решить, стоит ли его задавать.

Джеймс замер.

Всего на секунду.

Потом посмотрел на неё с улыбкой, в которой появилось что-то новое.

— Тогда, думаю, мне придётся предложить вам кофе.

— А если я не люблю кофе?

— Это серьёзная проблема.

— Возможно, я люблю чай.

— Тогда нам придётся начать с чая.

Эмили рассмеялась.

И поняла, что ей хочется вернуться.

Не из-за книги.

Не из-за дождя.

И даже не из-за маленького магазинчика, в котором пахло бумагой и корицей.

Ей хотелось снова увидеть его.

Их первое настоящее свидание состоялось через неделю.

Джеймс пригласил её в маленькое кафе неподалёку от магазина. Там подавали слишком крепкий чай, невкусные сэндвичи и пирог, который выглядел так, словно его приготовили в спешке и забыли о существовании сахара.

Эмили сказала, что ей нравится.

Джеймс посмотрел на неё с подозрением.

— Вы ужасно врёте.

— Я стараюсь быть вежливой.

— Это не вежливость. Это преступление против выпечки.

— Вы всегда так драматично относитесь к еде?

— Я вырос в Ирландии. У нас есть принципы.

Они проговорили почти три часа.

О книгах, которые изменили их жизнь. О местах, в которых они хотели побывать. О том, почему люди иногда остаются на работе, которую ненавидят, и почему так трудно признаться себе, что ты несчастлив, когда вроде бы всё делаешь правильно.

Эмили рассказала о своей книге.

Впервые за долгое время — без смущённой улыбки и привычной фразы «это просто глупая идея».

Джеймс слушал, не перебивая.

— О чём она? — спросил он.

— О женщине, которая получает письмо из будущего.

— Из будущего?

— Ну, технически письмо приходит из прошлого. Но она узнаёт из него то, что ещё не произошло.

— И что она делает?

Эмили задумалась.

— Пытается изменить свою жизнь.

— А если письмо ошибается?

Она посмотрела на него.

— Тогда ей придётся самой решить, чему верить.

Джеймс медленно кивнул.

— Хорошая история.

— Вы даже не знаете, чем она заканчивается.

— А вы знаете?

Эмили отвела взгляд.

— Нет.

— Тогда у нас одинаковые шансы.

Она улыбнулась.

Позже они гуляли по улицам, где после дождя блестел асфальт. У витрины цветочного магазина Джеймс остановился, чтобы купить маленький букет белых цветов.

— У вас кто-то есть? — спросила Эмили.

— Теперь есть.

Он протянул цветы ей.

Она рассмеялась.

— Это ужасная фраза.

— Но цветы хорошие.

— Цветы действительно хорошие.

Они остановились у перекрёстка.

Джеймс посмотрел на неё.

— Можно я тебя поцелую?

Эмили удивилась, насколько сильно ей понравился этот вопрос.

Не потому, что она не хотела поцелуя.

А потому, что он спросил.

— Можно, — ответила она.

Он поцеловал её осторожно, будто оставлял ей возможность передумать в любую секунду.

Эмили положила руку ему на плечо и сама придвинулась ближе.

Поцелуй оказался не таким, как в фильмах. Никаких фейерверков, никакого грома, никакого внезапного понимания, что теперь всё будет хорошо.

Просто тёплые губы, запах дождя и цветов, его ладонь у неё на щеке.

И удивительное чувство, что ей не нужно никуда торопиться.

Когда они отстранились, Джеймс улыбнулся.

— Что? — спросила Эмили.

— Ничего.

— Ты смотришь на меня так, будто собираешься что-то сказать.

— Я просто думаю.

— Это опасно.

Он рассмеялся.

— Очень.

Она взяла его за руку.

И они пошли дальше.

Эмили тогда ещё не знала, что однажды будет вспоминать этот вечер с болью.

Не знала, что через пять лет станет убеждать себя, будто всё это было ошибкой.

Не знала, что любовь иногда заканчивается не потому, что люди перестают любить друг друга, а потому, что они слишком долго боятся сказать правду.

В тот вечер она знала только одно.

Ей хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался.

В конце октября Джеймс впервые пригласил её в Ирландию.

Они сидели на полу в его квартире, ели пиццу прямо из коробки и спорили о том, стоит ли читать несколько книг одновременно.

— Это непрактично, — заявил Джеймс.

— Это свобода.

— Это хаос.

— Это литературная многозадачность.

— Такого понятия не существует.

— Теперь существует.

Он покачал головой, улыбаясь.

Потом вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь думала уехать из Лондона?

Эмили перестала жевать.

— Конечно.

— Куда?

Она посмотрела на него.

— К морю. В маленький городок, где можно писать по утрам и не слышать, как соседи сверлят стену в семь часов.

— Звучит прекрасно.

— А ты?

Джеймс некоторое время молчал.

— Я хотел бы снова пожить в Ирландии.

— Почему не живёшь?

Он посмотрел на коробку с пиццей.

— Есть причины.

Эмили ждала продолжения.

Но Джеймс больше ничего не сказал.

Она могла бы спросить. Могла бы напомнить, что только что рассказала ему о своей мечте и что, наверное, теперь его

очередь быть откровенным.

Вместо этого она улыбнулась.

— Тогда однажды мы поедем туда вместе.

Джеймс поднял голову.

— Вместе?

— Да. Ты покажешь мне океан, а я напишу книгу. Потом мы будем жить в маленьком доме и спорить о том, кто должен покупать продукты.

— Я не умею выбирать помидоры.

— Научишься.

— А если я выберу неправильные?

— Я прощу тебя.

Он рассмеялся.

Затем наклонился и поцеловал её в висок.

— Договорились, Эм.

Она прижалась к его плечу.

Это слово показалось ей обещанием.

Возможно, потому, что ей очень хотелось, чтобы оно им стало.

Позже, когда Джеймс уснул, Эмили ещё долго лежала рядом и слушала его дыхание. Она думала о будущем — о доме у моря, о своей книге, о путешествиях, о том, как однажды они будут вспоминать этот вечер и смеяться над тем, какими молодыми были.

Она не заметила, что телефон Джеймса загорелся на полу.

Не увидела имя на экране.

Не услышала короткий сигнал сообщения.

И не знала, что утром, когда он прочитал это сообщение, его лицо изменилось так сильно, что он впервые за всё время их отношений не смог сразу улыбнуться ей.

Он вышел на кухню и долго стоял у окна.

Когда Эмили проснулась, он уже приготовил кофе и завтрак.

— Доброе утро, — сказала она, обнимая его со спины.

— Доброе.

Она поцеловала его в плечо.

— Ты чего такой тихий?

Джеймс повернулся к ней.

На секунду ей показалось, что он собирается что-то сказать.

Что-то важное.

Но он лишь улыбнулся и убрал прядь волос с её лица.

— Просто задумался.

Эмили прищурилась.

— Опасно.

— Очень.

Он поцеловал её.

И она решила, что всё в порядке.

В конце концов, у каждого человека должны быть свои мысли.

У каждого — своё прошлое.

И у каждой любви — право на маленькие тайны.

Тогда Эмили ещё не знала, что некоторые тайны не остаются маленькими.

Они растут в тишине.

Пока однажды не становятся больше самой любви.

Глава 3

Чужой почерк

В среду утром Эмили Паркер проснулась с неприятным ощущением, что совершила ошибку.

Не ту ошибку, которую можно исправить чашкой кофе, извинением или удалением сообщения до того, как его прочитает начальник.

Нет.

Она купила билет в Ирландию.

Самолёт отправлялся в пятницу в семь сорок утра, а это означало, что ей придётся встать в четыре, собрать чемодан и добраться до аэропорта в час, когда даже таксисты выглядят так, будто предпочли бы умереть.

Кроме того, Эмили совершенно не представляла, что скажет Элизабет Хейл.

«Здравствуйте. Мы не знакомы, но мой бывший возлюбленный, с которым я не разговаривала пять лет, оставил мне письмо, написанное десять лет назад. Он попросил передать вам фотографию и произнести загадочную фразу. Не хотите объяснить, что всё это значит?»

Даже по меркам её жизни это звучало как начало неприятностей.

Эмили перевернулась на другой бок и посмотрела на часы.

Семь двенадцать.

Она могла бы поспать ещё сорок минут.

Вместо этого потянулась за телефоном и открыла переписку с Софи.

Эмили:

Я всё ещё считаю, что поездка в Ирландию — плохая идея.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Софи:

Доброе утро и тебе.

Эмили:

Я серьёзно.

Софи:

Ты купила билет?

Эмили:

Да.

Софи:

Тогда поздравляю. Ты официально превратила плохую

идею в дорогостоящий план.

Эмили улыбнулась, несмотря на себя.

Эмили:

Я могу отменить.

Софи:

Можешь. А потом ещё пять лет будешь думать, что было в том письме. Я знаю тебя, Эм.

Эмили отложила телефон.

Вот в чём заключалась проблема с лучшими подругами: они знали тебя достаточно хорошо, чтобы лишить последнего убедительного оправдания.

Она встала, натянула свитер и отправилась на кухню.

Письмо лежало на столе там, где она оставила его ночью. Рядом стояли две фотографии, блокнот и чашка остывшего чая.

Эмили налила себе кофе и села.

Она решила действовать разумно.

Для начала — проверить конверт. Затем попытаться выяснить, откуда он был отправлен. Потом связаться с человеком, который мог бы знать, что происходило с вещами Джеймса после их расставания.

И только после этого начинать паниковать.

У неё был план.

Это уже что-то.

Первым делом Эмили осмотрела конверт при дневном свете.

Бумага была плотной, слегка шероховатой. Такие конверты продавались в магазинах канцелярских принадлежностей, но этот выглядел старше. На сгибе виднелась тонкая трещина, а на внутренней стороне сохранился бледный след от чернил.

Эмили достала лупу из ящика стола.

Она купила её несколько лет назад, когда решила, что займётся коллекционированием старых открыток. Коллекционирование продлилось три недели, зато лупа осталась.

На конверте не было обратного адреса. Почтовый штемпель оказался смазанным, дата почти не читалась. Единственное, что удалось разобрать, — название почтовой службы и несколько цифр, которые могли быть частью индекса.

Она сфотографировала конверт и увеличила изображение на экране.

Ничего.

Эмили открыла поисковик и начала вводить данные, которые могла разобрать.

Через двадцать минут она узнала, что почтовые штемпели могут стираться от влаги, что старые конверты иногда хранятся годами и что в интернете полно людей, готовых потратить выходные на определение возраста бумаги.

Но не узнала главного.

Когда письмо было отправлено.

И кто его отправил.

Она откинулась на спинку стула.

— Отлично, — сказала она. — Я расследую конверт.

Если бы кто-нибудь десять лет назад рассказал ей, чем она будет заниматься в тридцать пять, Эмили решила бы, что это очень неудачная шутка.

Тогда она мечтала писать книги.

Теперь она изучала почтовые штемпели, пила кофе на пустой желудок и собиралась лететь в Ирландию ради незнакомой женщины.

Возможно, жизнь действительно обладала чувством юмора.

Просто оно было отвратительным.

В десять утра Эмили позвонила матери.

Маргарет Паркер ответила после третьего гудка.

— Эмили? Всё в порядке?

— Почему ты сразу предполагаешь, что что-то случилось?

— Потому что ты звонишь мне в рабочее время. Обычно ты пишешь сообщение, когда хочешь, чтобы я забрала посылку или напомнила тебе рецепт лимонного пирога.

— Я не просила тебя напоминать рецепт.

— Ты просила в прошлом месяце.

— Я хотела пропорции!

— Разумеется. Так что случилось?

Эмили посмотрела на письмо.

Она собиралась начать издалека, но вдруг поняла, что не сможет.

— Ты помнишь Джеймса Уокера?

На другом конце провода наступила тишина.

Эмили закрыла глаза.

Вот оно.

Именно такую реакцию она боялась услышать.

— Да, — наконец ответила Маргарет.

— Мне пришло письмо от него.

— Что?

Голос матери изменился. В нём не было ни удивления, ни привычного беспокойства.

Только испуг.

Настоящий, почти физический испуг.

Эмили выпрямилась.

— Мама?

— Когда оно пришло?

— Вчера.

— Кто его принёс?

— Я не знаю. Оно было в почтовом ящике.

— Ты уверена, что это от него?

Эмили нахмурилась.

— Почерк его. Подпись его. И фотография…

Она замолчала.

Маргарет не спросила, какая фотография.

Не спросила, что написано в письме.

Она спросила только:

— Ты собираешься что-нибудь делать?

Эмили почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Я пока не знаю. Но я хочу понять, что происходит.

— Возможно, тебе не стоит ворошить прошлое.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи лучше оставить там, где они были.

Эмили медленно поставила чашку на стол.

— Ты говоришь так, будто знаешь, о чём это письмо.

— Я ничего не знаю.

— Тогда почему ты испугалась?

— Я не испугалась.

— Мам, я слышу твой голос.

Маргарет тяжело вздохнула.

— Эмили, пожалуйста. Не делай ничего поспешного.

— Я купила билет в Ирландию.

Тишина стала такой плотной, что Эмили проверила экран телефона: соединение не оборвалось.

— Ты что?

— Я еду туда в пятницу.

— Зачем?

— Найти женщину, которую Джеймс просил меня найти.

— Какую женщину?

Эмили назвала имя.

— Элизабет Хейл.

На этот раз мать не смогла скрыть реакцию.

Она резко вдохнула.

Эмили почувствовала, как холодеют пальцы.

— Ты её знаешь?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Мама…

— Эмили, я должна идти. У меня встреча.

— Ты даже не работаешь по средам.

— Я перезвоню.

— Подожди…

Но Маргарет уже отключилась.

Эмили ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Потом медленно опустила руку.

Она не знала, что тревожило её больше: письмо Джеймса или то, как мать отреагировала на имя женщины, которую якобы никогда не встречала.

Впервые за много лет Эмили пожалела, что не задавала больше вопросов в детстве.

А ещё — что слишком хорошо научилась принимать чужое молчание за ответ.

Софи появилась у неё в квартире после обеда.

Она принесла два круассана, три бумажных пакета с про-

дуктами и блокнот, на обложке которого было написано: «План спасения Эмили от её собственной головы».

— Я решила, что нам нужен рабочий подход, — объявила она, снимая пальто.

— У меня есть подход.

— Ты сидишь в пижаме и изучаешь конверт под лупой.

— Это исследование.

— Конечно. А я нейрохирург.

Софи поставила пакеты на стол и внимательно посмотрела на фотографии.

— Рассказывай всё с самого начала.

Эмили рассказала.

О письме, о звонке матери, о поездке в Ирландию. О том, как пыталась разобрать почтовый штемпель и как в какой-то момент поймала себя на мысли, что снова вспоминает голос Джеймса.

Софи слушала, не перебивая.

Это само по себе было тревожным признаком.

Когда Эмили закончила, подруга открыла блокнот.

— Итак. У нас есть мужчина, который написал письмо десять лет назад. Женщина, которую нужно найти. Твоя мать, которая явно что-то знает. И неизвестный человек, отправивший конверт.

— Всё верно.

— А ещё у нас есть ты, которая решила, что лучший способ справиться с эмоциональным кризисом — отправиться

в другую страну.

— Это не кризис.

Софи подняла брови.

— Ты вчера назвала мой диван единственным человеком, которому можешь доверять.

— Он удобный.

— Ты сказала, что если Джеймс вернётся, ты бросишь в него вазой.

— Я сказала, что подумаю об этом.

— Ты даже не знаешь, жив ли он сейчас.

Эмили замолчала.

Это была правда, о которой она не хотела думать.

Пять лет назад они расстались. После этого Джеймс несколько месяцев ещё существовал в её жизни через общих знакомых, случайные новости и фотографии, которые она старалась не рассматривать.

Потом исчез и этот слабый след.

Эмили не знала, где он жил, чем занимался, встречался ли с кем-нибудь. Она не знала даже, оставался ли он в Лондоне.

Она просто решила, что если не будет искать его, то однажды перестанет хотеть.

И почти преуспела.

— Я не еду искать Джеймса, — сказала она.

Софи закрыла блокнот.

— Хорошо. Тогда давай искать того, кто отправил письмо.

— Как?

— Начнём с людей, которые могли иметь доступ к его вещам.

Эмили задумалась.

— У Джеймса был друг. Оливер. Они вместе работали в книжном магазине.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Нет. Но я помню, что он переехал в Манчестер.

Софи достала телефон.

— Тогда найдём его.

Эмили посмотрела на подругу.

— Ты понимаешь, что это звучит как начало очень плохого детективного сериала?

— Разумеется. Но у меня сегодня свободный вечер, а твоя жизнь наконец стала интереснее моей.

— Я польщена.

— Не стоит. Я всё ещё собираюсь заставить тебя съесть нормальный ужин.

Найти Оливера оказалось проще, чем они ожидали.

Через общую знакомую Софи вышла на его профиль в социальной сети. Он действительно жил в Манчестере, работал в издательстве и, судя по фотографиям, обзавёлся бородой, собакой и привычкой путешествовать по местам, где почти невозможно поймать мобильную связь.

Эмили долго смотрела на кнопку вызова.

— Ты собираешься позвонить ему или написать мемуары

о том, почему не хочешь звонить? — спросила Софи.

— Я думаю.

— Это мы уже установили.

Эмили нажала на экран.

Оливер ответил не сразу.

— Алло?

— Оливер? Это Эмили Паркер.

Пауза.

— Эмили? Ничего себе. Сколько лет прошло?

— Довольно много.

— Да уж. Как ты?

Эмили посмотрела на Софи.

Подруга показала ей большой палец вверх.

— Нормально, — ответила Эмили. — Слушай, я звоню по поводу Джеймса.

На другом конце стало тихо.

Снова эта тишина.

Будто имя Джеймса было не именем человека, а дверью, которую никто не хотел открывать.

— Что с ним? — спросил Оливер.

— Мне пришло письмо. От него.

— Письмо?

— Да. Написанное десять лет назад.

Оливер долго молчал.

— Ты можешь прислать мне фотографию конверта? — наконец спросил он.

Эмили удивилась.

— Зачем?

— Я хочу кое-что проверить.

— Ты знаешь, что это за письмо?

— Нет. Но я помню, что Джеймс несколько лет хранил коробку со старыми документами. Он никому не разрешал её трогать.

Эмили почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Где эта коробка сейчас?

— Не знаю. После того как Джеймс уехал из Лондона, я больше не видел его вещей.

— Он уехал из Лондона?

— Эмили…

— Когда?

Оливер вздохнул.

— Я думал, ты знаешь.

Она сжала телефон.

— Нет. Я не знаю.

На другом конце послышался тихий шум, словно Оливер отошёл от кого-то подальше.

— Послушай, — сказал он. — Я не хочу говорить о Джеймсе по телефону. Пришли мне фотографии письма и конверта. Я посмотрю, что смогу выяснить.

— Ты можешь сказать мне хотя бы одно? Он в порядке?

Оливер не ответил сразу.

— Насколько я знаю, да.

Эмили почувствовала облегчение, которое тут же разозлило её.

Она не имела права испытывать облегчение. Не после пяти лет молчания. Не после того, как он оставил её с вопросами, на которые она так и не получила ответов.

— Хорошо, — сказала она. — Я пришлю фотографии.

— Эмили?

— Да?

— Не делай выводов раньше времени.

Она хотела спросить, что именно он имеет в виду.

Но Оливер уже попрощался.

Эмили опустила телефон.

Софи смотрела на неё с выражением человека, который только что увидел, как первая костяшка домино начинает падать.

— Ну? — спросила она.

Эмили медленно покачала головой.

— Он уехал из Лондона.

— Когда?

— Оливер не сказал.

— А ты знала?

— Нет.

Софи села рядом.

— Эм, может быть, стоит подумать о том, что ты на самом деле хочешь узнать.

Эмили посмотрела на неё.

— Я хочу знать правду.

— О письме?

Эмили не ответила.

Софи тихо вздохнула.

— Вот именно.

Вечером Эмили открыла коробку, которую не трогала почти пять лет.

Она стояла на верхней полке шкафа, за зимним одеялом и старой сумкой, которую Эмили собиралась отнести в благотворительный магазин ещё прошлым летом.

На коробке не было надписи.

Но она помнила, что внутри.

Открытки. Билеты в кино. Фотографии. Несколько записок, написанных на салфетках. Маленький бумажный пакетик из кофейни, где они впервые обсуждали поездку в Ирландию.

Эмили села на пол и сняла крышку.

Сверху лежал билет на выставку, которую они посетили за несколько месяцев до расставания. Джеймс тогда опоздал на сорок минут, потому что помог незнакомой пожилой женщине донести сумки до дома.

Эмили злилась.

Потом он принёс ей горячий шоколад и сказал, что у женщины был очень тяжёлый день.

Она не смогла сердиться дольше пяти минут.

Под билетом лежала открытка.

Эм, однажды я покажу тебе место, где океан звучит так, будто знает все истории на свете.

Подписи не было.

Но она узнала его почерк.

Эмили прижала открытку к коленям.

Воспоминания не приходили по порядку. Они появлялись отдельными кадрами: Джеймс, смеющийся на кухне; его пальцы, переплетённые с её; мокрые волосы после прогулки под дождём; его голос, читающий вслух смешные отрывки из книг.

А потом — тишина.

Последний вечер.

Дверь.

Его спина, исчезающая на лестнице.

Эмили закрыла глаза.

Она не хотела снова проходить через это.

Но теперь прошлое больше не было неподвижной картиной, которую она могла держать на безопасном расстоянии.

Оно двигалось.

Оно требовало ответов.

Она продолжила разбирать коробку.

На самом дне лежал небольшой блокнот в чёрной обложке.

Эмили не помнила его.

Она открыла первую страницу.

Почерк Джеймса.

Несколько списков покупок. Адреса. Телефонные номера. Названия книг.

На одной из страниц была записана дата, за которой следовали два слова:

«Обещание Элизабет».

Эмили перестала листать.

Под датой стоял адрес в Ирландии.

Тот самый городок, куда она собиралась ехать.

Она медленно закрыла блокнот.

Пять лет она не открывала эту коробку.

Пять лет она убеждала себя, что больше ничего не хочет знать о Джеймсе.

Но он оставил следы повсюду.

В её воспоминаниях. В старых письмах. В вещах, которые она не смогла выбросить.

И теперь — в блокноте, о существовании которого она даже не подозревала.

Эмили посмотрела на фотографию Элизабет Хейл, лежавшую на столе.

Женщина на снимке по-прежнему не улыбалась.

— Хорошо, — сказала Эмили тихо. — Я найду тебя.

Она не знала, что именно собирается найти.

Ответ на вопрос, который мучил её пять лет.

Правду о Джеймсе.

Или подтверждение того, что всё, во что она верила, было

ошибкой.

Возможно, всё сразу.

Перед сном Эмили получила сообщение от Оливера.

Я посмотрел фотографии. Конверт мне знаком. Но я не уверен, что могу объяснить, почему.

Следом пришло ещё одно.

Есть кое-что, что тебе нужно знать о Джеймсе. Но лучше я расскажу лично.

Эмили перечитала сообщения.

Потом открыла календарь и посмотрела на дату вылета.

Пятница.

До Ирландии оставалось меньше двух дней.

Она ответила:

Хорошо. Когда мы можем поговорить?

Ответ пришёл почти сразу.

После того, как ты вернёшься.

Эмили почувствовала, как внутри всё похолодело.

Она набрала сообщение:

Почему после?

Оливер печатал долго.

Затем на экране появилось:

Потому что, если я прав, ты должна сначала поговорить с Элизабет.

Эмили медленно опустила телефон.

За окном шёл дождь.

На столе лежали письмо, фотографии и старый блокнот. Впервые за много лет всё, что она знала о Джеймсе, оказалось под вопросом.

И впервые за много лет она поняла, что боится не правды.

Она боится, что правда окажется совсем не такой, какой она её себе представляла.

Потому что тогда ей придётся заново пережить не только их расставание.

Ей придётся заново вспомнить всю их любовь.

И, возможно, обнаружить, что в той истории она никогда не знала самого главного.

Глава 4. Женщина на фотографии

В четверг утром Эмили Паркер решила, что больше не будет удивляться.

За последние два дня ей пришло письмо от мужчины, которого она пять лет пыталась забыть, мать продемонстрировала подозрительную осведомлённость о незнакомой ирландке, старый друг Джеймса отказался объяснять, что происходит, а в собственной квартире обнаружился блокнот с загадочной записью об обещании.

Если жизнь хотела превратить её в главную героиню детективного романа, могла бы хотя бы обеспечить приличный кофе.

Эмили стояла у кухонной стойки, ждала, пока закипит чайник, и рассматривала распечатанный адрес.

Элизабет Хейл.

Дом у моря.

Небольшой городок на западном побережье Ирландии.

Она нашла его поздно вечером, сверив адрес из блокнота с тем, что удалось разобрать на фотографии. Это был не совсем адрес — скорее, название дороги и номер старого дома. Но карта подтвердила, что такое место существует.

Эмили увеличила изображение.

За женщиной на фотографии виднелся каменный дом с тёмной крышей, низкой оградой и маленьким окном на вто-

ром этаже. На заднем плане лежал океан. Даже через старую бумагу можно было почувствовать его холодную, бесконечную синеву.

Эмили вдруг вспомнила открытку из коробки.

Однажды я покажу тебе место, где океан звучит так, будто знает все истории на свете.

Тогда она решила, что Джеймс просто красиво говорит. Он вообще любил красивые фразы — особенно когда хотел отвлечь её от чего-нибудь неприятного, например от того, что снова забыл купить молоко.

Но теперь эта открытка казалась частью чего-то большего.

Он знал этот дом.

Знал Элизабет.

И, судя по всему, дал ей обещание, которое не сумел выполнить.

Эмили взяла телефон и открыла переписку с матерью.

Последнее сообщение от Маргарет пришло вчера вечером.

Пожалуйста, позвони мне перед отъездом.

Ни объяснений, ни извинений, ни ответа на главный вопрос.

Эмили набрала:

Я уезжаю завтра. Нам нужно поговорить сегодня.

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Появились снова.

Хорошо. Приезжай после шести.

Эмили посмотрела на экран.

Её мать умела превращать три коротких слова в предчувствие катастрофы.

В офисе Эмили провела утро, делая вид, что работает.

На самом деле она читала всё, что могла найти об ирландском городке, название которого прежде никогда не слышала.

Небольшая гавань. Старые каменные дома. Пекарня на главной улице. Церковь с колоколом, который, судя по отзывам, слышно даже при закрытых окнах. Несколько гостевых домов и кафе, где местные жители, по всей видимости, обсуждали приезжих с той же страстью, с какой лондонцы обсуждали цены на аренду.

В одном отзыве женщина писала:

Если вы хотите провести отпуск в месте, где никто не знает вашего имени, не приезжайте сюда. На второй день хозяйка кафе уже спросила меня, почему я поссорилась с мужем.

Эмили усмехнулась.

По крайней мере, у городка было чувство юмора.

— Ты опять смотришь фотографии океана? — спросила Софи, появившись у её стола с двумя стаканами кофе.

— Я изучаю местность.

— Конечно. А я изучаю способы убийства начальника.

— Не шути. Я уже отправляла ему письмо с соответствующим настроением.

— Кстати, Дэвид спрашивал, почему ты берёшь выходные.

Эмили подняла глаза.

— И что ты сказала?

— Что ты отправляешься в духовное путешествие.

— Софи!

— Я не могла сказать, что ты летишь на запад Ирландии, чтобы разобраться с любовной драмой пятилетней давности. Это звучит так, будто у тебя есть собственный подкаст.

Эмили забрала кофе.

— Я не собираюсь разбираться с любовной драмой.

— Разумеется. Ты просто летишь в другую страну, чтобы вручить незнакомой женщине фотографию.

— Ты делаешь это гораздо хуже.

— Зато я делаю это бесплатно.

Софи села напротив и понизила голос:

— Ты уверена, что хочешь ехать одна?

Вопрос оказался неожиданно серьёзным.

Эмили посмотрела на карту, открытую на экране.

— Да.

— Почему?

Она задумалась.

Потому что если возьмёт Софи с собой, придётся объяснять каждую реакцию, каждую паузу, каждую минуту, когда

воспоминание о Джеймсе окажется сильнее желания узнать правду.

Потому что ей нужно было хотя бы раз сделать что-то не для того, чтобы доказать себе, что она давно всё пережила.

А потому, что она не пережила.

— Я должна сама услышать, что она скажет, — ответила Эмили.

Софи долго смотрела на неё, потом кивнула.

— Хорошо. Но ты будешь писать мне каждый день.

— С удовольствием.

— И присылать фотографии еды.

— Ты собираешься следить за моим рационом на расстоянии?

— Кто-то же должен.

Софи поднялась, но у стола остановилась.

— Эм?

— Что?

— Не позволяй прошлому убедить тебя, что оно знает о тебе больше, чем ты сама.

Эмили хотела пошутить. Сказать что-нибудь о том, что Софи слишком много читает психологических книг.

Но не стала.

Вместо этого она улыбнулась.

— Постараюсь.

Маргарет жила в небольшом доме на окраине Лондона,

где всегда пахло свежим хлебом, лавандой и чем-то, что невозможно было определить, но что неизменно напоминало Эмили детство.

Когда она приехала, мать уже накрыла на стол.

На двоих.

Это насторожило её сильнее, чем если бы Маргарет встретила её с папкой документов и признанием в преступлении.

— Ты приготовила ужин, — заметила Эмили, снимая пальто.

— Ты же не ела.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты всегда забываешь поесть, когда нервничаешь.

— Я не нервничаю.

Маргарет поставила на стол тарелку с запечёнными овощами.

— Конечно.

Они сели.

Несколько минут говорили о работе, погоде и соседке, которая завела собаку и теперь жаловалась на её лай. Это был привычный разговор двух людей, слишком хорошо знавших друг друга и потому умевших обходить стороной самое важное.

Наконец Эмили положила вилку.

— Почему ты так отреагировала на имя Элизабет Хейл?

Маргарет не подняла глаз.

— Я была удивлена.

— Нет. Ты испугалась.

— Эмили…

— Я не прошу тебя рассказывать мне всю историю за один вечер. Но я хочу знать, почему ты не сказала правду, когда я спросила, знакома ли ты с ней.

Мать медленно выдохнула.

— Потому что не знала, как объяснить.

— Попробуй начать с начала.

Маргарет посмотрела на дочь. В её лице было что-то непривычное — не только тревога, но и усталость человека, который долго носил в себе чужую тайну.

— Я встретила Элизабет много лет назад, — сказала она наконец.

Эмили замерла.

— Где?

— В Ирландии.

— Ты была в Ирландии?

— До твоего рождения. Я ездила туда несколько раз.

— Почему я об этом не знала?

— Потому что тогда это не имело отношения к тебе.

Эмили невесело усмехнулась.

— Кажется, в нашей семье это любимая фраза.

Маргарет приняла удар молча.

— Элизабет была близкой подругой одного человека, которого я знала, — продолжила она. — У неё была трудная

жизнь. И она оказалась в ситуации, когда ей нужна была помощь.

— Какая помощь?

— Я не могу рассказать тебе всё. Это не только моя история.

— Но Джеймс был частью этой истории?

Мать закрыла глаза на мгновение.

Эмили почувствовала, как у неё сжался желудок.

— Да, — ответила Маргарет. — Был.

— Откуда он её знал?

— Это тебе лучше спросить у самой Элизабет.

— Она откажется говорить со мной.

— Возможно.

— Прекрасно. Значит, я лечу в Ирландию, чтобы получить ещё одну загадочную фразу и вернуться домой с теми же вопросами.

— Эмили, послушай меня. Ты не обязана делать это ради Джеймса.

— Я знаю.

— И не обязана исправлять то, что он не сумел исправить сам.

Эмили посмотрела на мать.

— Тогда почему мне кажется, что вы все решили за меня, что я должна знать, а чего мне знать не следует?

Маргарет не ответила.

И в этом молчании Эмили услышала больше, чем хотела.

Когда ужин закончился, Маргарет ушла на кухню за чаем.

Эмили осталась в гостиной. На каминной полке стояли семейные фотографии, несколько открыток и маленькая фарфоровая птица, которую она подарила матери много лет назад.

Рядом с фотографией Эмили в выпускном платье стояла рамка, которую она раньше не замечала.

Снимок был старым, почти выцветшим.

На нём молодая Маргарет стояла у каменного дома на фоне моря. Рядом с ней была женщина с тёмными волосами и серьёзными глазами.

Элизабет.

Эмили взяла рамку.

На обороте фотографии стояла дата — за несколько лет до её рождения.

И короткая надпись, сделанная синими чернилами:

Маргарет — за то, что осталась, когда все остальные ушли.

Эмили долго смотрела на слова.

Когда мать вернулась, она всё ещё держала фотографию в руках.

Маргарет остановилась в дверях.

— Ты обещала не скрывать от меня важные вещи, — сказала Эмили.

— Я знаю.

— Тогда объясни.

Мать поставила чашки на стол.

— Я не скрывала это, чтобы причинить тебе боль.

— Я понимаю.

— Нет, Эмили. Не думаю, что понимаешь. Иногда люди хранят тайны не потому, что считают других слишком слабыми для правды. Иногда они просто не знают, как рассказать её так, чтобы не разрушить то немногое, что ещё осталось.

— А иногда, — тихо сказала Эмили, — они решают за других, что тем лучше не знать.

Маргарет отвела взгляд.

Эмили почувствовала внезапную жалость к ней. Но жалость не отменяла злости.

— Я не прошу тебя рассказывать чужие секреты, — сказала она. — Я прошу перестать делать вид, что ничего не произошло.

Мать долго молчала.

Потом подошла к старому письменному столу у окна и открыла нижний ящик.

Она достала маленькую коробку, перевязанную выцветшей лентой.

— Я хранила это слишком долго, — сказала Маргарет. — И, наверное, должна была отдать тебе раньше.

Эмили посмотрела на коробку.

— Что это?

— То, что осталось у меня после последней встречи с Джеймсом.

В комнате стало тихо.

Даже часы на стене, казалось, начали тикать громче.

— Ты виделась с ним после нашего расставания? — спросила Эмили.

— Да.

Эмили почувствовала, будто кто-то осторожно, но безжалостно сдвинул пол под её ногами.

— Когда?

— Через несколько месяцев после того, как вы разошлись.

— И ты мне не сказала?

— Он попросил меня не вмешиваться.

— А ты послушалась?

Маргарет сжала губы.

— Я думала, что так будет лучше.

Эмили закрыла глаза.

Она слишком хорошо знала эту фразу.

Я думала, что так будет лучше.

Ею можно было оправдать почти всё. Молчание. Уход. Недосказанность. Чужую боль, если не смотреть на неё слишком внимательно.

— Что в коробке? — спросила она.

Маргарет протянула её дочери.

Эмили развязала ленту.

Внутри лежали три вещи: сложенный лист бумаги, ма-

ленький латунный ключ и конверт с её именем.

Не почтовый конверт. Простой, белый, без марки и адреса.

На лицевой стороне было написано:

Эмили.

Почерк Джеймса.

Эмили не сразу решилась открыть его.

Она провела пальцем по буквам, словно могла определить по нажиму пера, каким он был в тот день. Спокойным или встревоженным. Уверенным или отчаянным.

— Он оставил это у меня, — тихо сказала Маргарет. — Я не знала, что с ним делать.

— Почему не отдала мне?

— Потому что он сказал, что сначала ты должна услышать историю Элизабет.

Эмили подняла голову.

— Он сказал это после нашего расставания?

Мать кивнула.

— И ты решила, что имеешь право выбирать, когда я буду готова?

— Я боялась, что ты снова начнёшь ждать его.

Эмили посмотрела на конверт.

Возможно, именно этого мать и боялась больше всего. Не правды. Не старых секретов. А того, что дочь, которую она с таким трудом собирала после расставания, снова повернётся лицом к человеку, который однажды ушёл.

— Я не жду его, — сказала Эмили.

И тут же поняла, что не может быть уверена в собственных словах.

Она положила конверт обратно в коробку.

Не потому, что не хотела знать, что внутри.

А потому, что впервые за долгое время почувствовала: у неё есть право самой выбирать момент, когда открывать чужое прошлое.

— Я возьму это с собой, — сказала она.

Маргарет кивнула.

— Эмили…

— Я не обещаю, что прощу тебя за то, что ты скрывала. Но я обещаю, что выслушаю тебя, когда ты будешь готова рассказать всё, что касается тебя.

Мать отвернулась к окну.

Эмили не стала её обнимать.

Не сегодня.

Иногда любовь заключалась не в том, чтобы немедленно простить человека, а в том, чтобы оставить ему возможность однажды сказать правду.

Дома Эмили долго собирала чемодан.

Она взяла джинсы, тёплый свитер, водонепроницаемую куртку, удобные ботинки и три книги, хотя прекрасно понимала, что не успеет прочитать ни одну.

В боковой карман положила фотографию Элизабет.

Внутрь сумки убрала старый блокнот Джеймса и коробку, которую отдала ей мать.

Потом достала из ящика свой собственный блокнот — тот самый, в котором когда-то начинала писать роман о женщине, получившей письмо из прошлого.

На первой странице всё ещё стояло название, придуманное в двадцать пять лет.

Человек, который вернулся слишком поздно.

Эмили долго смотрела на эти слова.

Затем зачеркнула их.

Под ними написала:

Жизнь, которую ты мне оставил.

Она не знала, почему выбрала именно это название. Возможно, потому, что впервые поняла: история Джеймса не закончится в тот момент, когда она узнает правду.

Ей предстояло решить, что делать с этой правдой дальше.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Софи:

Чемодан собран?

Эмили сфотографировала аккуратно сложенную одежду, лежащую рядом с раскрытой коробкой.

Да.

Ответ пришёл почти сразу:

Ты положила что-нибудь полезное?

Одежду, книги, документы.

Я имела в виду здравый смысл.

Эмили улыбнулась.

Он не поместился.

Тогда возьми мой. Но верни в приличном состоянии.

Эмили положила телефон и подошла к окну.

Лондон блестел после дождя. По мокрому тротуару спешили люди, поднимали воротники, прятали лица в шарфы и думали о собственных маленьких катастрофах.

Завтра она уедет.

Не ради Джеймса.

Не ради матери.

И даже не ради Элизабет.

Она поедет, потому что больше не хочет жить внутри истории, в которой все остальные знают больше неё.

Эмили выключила свет и легла спать.

На тумбочке рядом с кроватью лежал конверт с её именем.

Она не открыла его.

Пока.

В пятницу утром аэропорт встретил Эмили запахом кофе, гулом чемоданов и людьми, которые выглядели так, будто уже пожалели о своём решении куда-либо лететь.

Она купила капучино, нашла нужный выход на посадку и села у окна.

Самолёт задерживался на двадцать минут.

Эмили достала фотографию Элизабет.

Вблизи женщина казалась ещё моложе, чем на увеличен-

ном снимке. Ей было не больше тридцати. Волосы трепал ветер, а на лице читалась такая сосредоточенная печаль, будто фотограф попросил её не улыбаться, а вспомнить что-то, что она давно старалась забыть.

Эмили перевернула снимок.

На обороте, под выцветшим следом от пальца, обнаружилась ещё одна надпись.

Она была написана очень мелко, почти у самого края.

Эмили поднесла фотографию ближе.

Если однажды она всё-таки придёт, не говори ей, что я обещал вернуться.

Подписи не было.

Но Эмили уже знала этот почерк.

Джеймс.

Она перечитала фразу.

Потом ещё раз.

Если однажды она всё-таки придёт.

Значит, он допускал, что Эмили окажется здесь.

Но зачем?

И кого именно он обещал не упоминать?

Объявили посадку.

Эмили убрала фотографию в сумку и поднялась.

На мгновение ей захотелось вернуться домой. Сказать себе, что это ошибка, что она не обязана раскрывать старые тайны, что пять лет молчания должны были чему-то её научить.

Но она уже слишком долго возвращалась туда, откуда пыталась уйти.

На этот раз Эмили направилась к выходу на посадку.

Самолёт поднялся над Лондоном, и город быстро исчез под облаками.

Она смотрела в иллюминатор, пока белое небо не поглотило всё, что оставалось внизу.

Где-то впереди был океан.

Дом у моря.

Женщина на фотографии.

И обещание, о котором Джеймс не хотел, чтобы она узнала.

Эмили достала блокнот и написала первую строку новой страницы:

Я думала, что самое страшное — это когда человек уходит.

Она остановилась, прислушиваясь к гулу самолёта.

Затем дописала:

Но иногда страшнее обнаружить, что он всё это время оставлял тебе дорогу назад.

Эмили закрыла блокнот.

Впервые за пять лет она летела навстречу прошлому не для того, чтобы вернуть его.

Она летела, чтобы наконец увидеть его целиком.

И если правда окажется болезненной, что ж…

По крайней мере, на этот раз никто не сможет решить за

неё, сколько боли она способна выдержать.

Глава 5. Люди, которые знают слишком много

Первое, что Эмили поняла об Ирландии, — погода здесь не менялась. Она просто передумывала.

Когда самолёт начал снижаться, за иллюминатором было солнце. Через пять минут небо затянули облака. Ещё через две минуты дождь ударил по стеклу с таким энтузиазмом, словно кто-то наверху лично обиделся на пассажиров.

Эмили прижалась лбом к иллюминатору.

— Ну здравствуй, Ирландия, — пробормотала она. — Я тоже рада тебя видеть.

Она прилетела в аэропорт Шаннон. Оттуда предстояло добраться до небольшого городка на западном побережье, адрес которого был записан в старом блокноте Джеймса. До последнего момента Эмили надеялась, что дорога окажется простой: автобус, такси, заселение в гостиницу, чашка чая и несколько часов на то, чтобы мысленно подготовиться к встрече с женщиной, чьё имя преследовало её последние дни.

Разумеется, жизнь решила иначе.

Автобус задерживался. У стойки проката автомобилей обнаружилась очередь. А сотрудник проката, узнав, что Эмили собирается ехать к побережью, посмотрел на неё с выраже-

нием человека, которому только что сообщили о намерении добровольно прыгнуть в холодное море.

— Вы уверены, что хотите вести машину сами?

— Я умею водить.

— Я не сомневаюсь. Просто дороги там узкие.

— Я из Лондона. У нас узкие дороги тоже бывают.

Мужчина посмотрел на неё с жалостью.

— Не такие.

Через двадцать минут Эмили уже сидела за рулём маленького синего автомобиля, который пах пластиком, мокрыми ковриками и чужими решениями. Навигатор уверенно показывал путь, словно сам никогда не ездил по ирландским дорогам.

Первые сорок минут всё шло прекрасно.

Потом навигатор предложил свернуть на дорогу, которую Эмили поначалу приняла за въезд на чью-то ферму.

— Нет, — сказала она экрану.

Навигатор повторил указание.

— Я сказала нет.

Экран никак не отреагировал на её возражение.

В конце концов Эмили свернула.

Дорога оказалась узкой, по обеим сторонам тянулись каменные ограды, а навстречу периодически попадались автомобили, водители которых, казалось, были рождены с врождённым пониманием того, как разъезжаться на расстоянии ширины чемодана.

Через десять минут Эмили остановилась возле небольшого кафе.

На вывеске было написано: **Molly's Kitchen**.

Внутри пахло корицей, свежим хлебом и крепким чаем. За стойкой стояла женщина лет пятидесяти с рыжеватыми волосами, собранными в небрежный пучок.

Она взглянула на Эмили, затем на её мокрую куртку.

— Заблудились?

— Я предпочитаю считать, что изучаю местность.

— Значит, заблудились.

Эмили рассмеялась.

— Мне нужно добраться до Килмора. Вы не подскажете дорогу?

Женщина прищурилась.

— Килмор? Который у старой гавани?

— Кажется, да.

— А к кому вы направляетесь?

Эмили замялась.

— К Элизабет Хейл.

Реакция оказалась почти незаметной. Женщина всего на секунду перестала вытирать чашку.

Но Эмили уже научилась замечать такие паузы.

— К Элизабет, значит, — произнесла та.

— Вы её знаете?

— В Килморе все друг друга знают. Даже те, кто делает вид, что не знает.

— Это звучит обнадёживающе.

— Не торопитесь с выводами, милая.

Женщина поставила перед ней чашку чая и тарелку с булочкой.

— За счёт заведения.

— Почему?

— Вы выглядите так, будто вам предстоит тяжёлый разговор.

Эмили посмотрела на булочку.

— Это настолько заметно?

— Дорогая, у вас лицо человека, который всю дорогу репетировал, что скажет, а теперь забыл все слова.

Эмили улыбнулась.

— Вы случайно не психолог?

— Нет. Я владелица кафе. Иногда это хуже.

Женщина протянула руку.

— Молли О'Коннор.

— Эмили Паркер.

Молли повторила её фамилию, словно проверяла, не встречала ли её раньше.

— Паркер…

— Это распространённая фамилия.

— Конечно.

Но взгляд Молли стал задумчивым.

Эмили допила чай, поблагодарила её и уже собиралась уходить, когда женщина окликнула её:

— Эмили?

— Да?

— Если собираетесь к Элизабет, не начинайте разговор с Джеймса.

Эмили застыла.

За окном продолжал идти дождь.

— Откуда вы знаете это имя?

Молли отвернулась к кофемашине.

— Здесь много людей по имени Джеймс.

— Но вы подумали именно о нём.

— Я ничего не думаю, милая. Я наливаю чай.

Это был ответ, который Эмили уже слышала от нескольких людей за последние дни. Разные лица, разные голоса, одна и та же стена.

Она застегнула куртку.

— Спасибо за чай.

— Не за что.

Эмили вышла под дождь, но успела сделать лишь несколько шагов, прежде чем услышала за спиной:

— И ещё кое-что!

Она обернулась.

Молли стояла в дверях.

— Если Элизабет не откроет вам дверь, не стойте там весь день. У неё характер.

— Какой именно?

Молли улыбнулась без всякого веселья.

— Такой, который помогает человеку выжить. Но не всегда помогает ему жить.

Килмор оказался именно таким, каким Эмили представляла маленький ирландский городок, и одновременно совершенно другим.

Узкие улицы спускались к гавани. Между каменными домами висели цветные вывески, возле одного магазина стояли ящики с овощами, а на ступеньках паба дремала большая рыжая собака. Ветер приносил запах соли и мокрых водорослей.

Здесь никто не спешил.

Люди разговаривали посреди улицы, останавливались у дверей, чтобы обменяться новостями, и, судя по всему, не испытывали ни малейшей необходимости немедленно куда-то бежать.

Эмили почувствовала себя человеком, который случайно попал в чужую жизнь и пока не знает, куда деть руки.

Она нашла гостевой дом с белыми ставнями и вывеской **The Seaglass House**. Хозяйка, невысокая пожилая женщина по имени Нора, встретила её в шерстяных носках и с карандашом за ухом.

— Мисс Паркер?

— Да.

— Комната наверху. Завтрак с восьми до десяти. Если захотите поесть после десяти, придётся договариваться с судь-

бой.

— А судьба здесь работает по расписанию?

— Нет, милая. Поэтому с ней так трудно.

Нора проводила Эмили до комнаты и помогла поставить чемодан у шкафа.

Комната была небольшой, но уютной. Из окна открывался вид на море, которое сегодня больше напоминало огромную серую стену. На подоконнике стояла ваза с полевыми цветами, а на кровати лежало дополнительное одеяло.

— Вы приехали надолго? — спросила Нора.

— Пока не знаю.

— Обычно так говорят люди, которые либо влюблены, либо бегут от кого-то.

Эмили сняла куртку.

— А если я приехала поговорить?

— Тогда, вероятно, и то и другое.

Нора направилась к двери, но на пороге остановилась.

— К кому вы приехали?

Эмили уже устала от этого вопроса.

— К Элизабет Хейл.

Нора не вздрогнула, как Молли, но улыбка исчезла с её лица.

— Понятно.

— Вы тоже её знаете?

— Конечно.

— И тоже собираетесь сказать мне, что это не моё дело?

— Нет, милая. Я собираюсь сказать, что Элизабет не любит незваных гостей.

— Я могу постучать.

— Постучать вы можете. Вопрос в том, что будете делать, если она не захочет вас видеть.

Эмили посмотрела на море.

— Полагаю, вернусь сюда и выпью чаю.

— Хороший план. Чай у нас лучше многих решений.

Нора ушла, оставив дверь приоткрытой.

Эмили подошла к окну.

Она приехала в Ирландию меньше трёх часов назад, а уже два человека знали имя Джеймса, хотя она никому его не называла. Молли знала, что Элизабет не хочет слышать о нём. Нора явно знала больше, чем собиралась рассказывать.

Это могло означать, что Джеймс был частью жизни городка.

Или что его история никогда не заканчивалась там, где Эмили считала её законченной.

Дом Элизабет находился в конце дороги, ведущей к старой гавани.

Каменная ограда почти скрывалась под плющом. Перед домом росла яблоня, с которой ветер сбрасывал последние листья. На втором этаже светилось окно — то самое, которое Эмили видела на фотографии.

Она остановила машину у обочины и несколько минут си-

дела неподвижно.

В сумке лежала фотография.

В кармане — записка Джеймса.

В голове — тысяча вопросов, каждый из которых казался слишком большим для обычного человеческого разговора.

Эмили вышла из машины.

У калитки она заметила небольшую табличку:

Пожалуйста, не стучите после семи вечера.

Было без десяти пять.

Она открыла калитку, прошла по короткой дорожке и постучала.

Никто не ответил.

Эмили постучала ещё раз.

За дверью послышались шаги.

— Кто там?

Голос был женским, низким и немного хриплым.

— Меня зовут Эмили Паркер. Я приехала из Лондона.

Тишина.

— Я хотела бы поговорить с Элизабет Хейл.

— Зачем?

Эмили посмотрела на фотографию в руке.

— У меня есть кое-что, что принадлежит ей.

— Мне ничего не нужно.

— Это фотография.

За дверью стало тихо.

Эмили почти услышала, как женщина по ту сторону за-

держала дыхание.

— Какая фотография?

— Старая. На ней вы стоите у этого дома. Рядом с морем.

Замок щёлкнул.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы Эмили увидела один глаз, седую прядь волос и часть лица.

Элизабет оказалась старше, чем на фотографии, конечно, но не настолько, насколько Эмили ожидала. В её лице всё ещё сохранялись резкие, красивые черты. Волосы были собраны на затылке, а на шее висела тонкая серебряная цепочка.

— Покажите, — сказала она.

Эмили протянула фотографию.

Элизабет взяла её двумя пальцами.

Несколько секунд она смотрела на снимок.

Потом медленно подняла глаза.

— Где вы это нашли?

— Мне прислал её Джеймс Уокер.

Лицо Элизабет изменилось.

Не так, как у Маргарет. Не так, как у Молли.

В её глазах не было удивления.

Там была боль, которую она слишком долго училась не показывать.

— Джеймс, — повторила она.

Эмили кивнула.

— Он написал мне письмо. Попросил найти вас и пере-

дать фотографию.

Элизабет посмотрела на снимок ещё раз.

— Когда?

— Письмо написано десять лет назад. Но я получила его только сейчас.

Женщина подняла голову.

— Десять лет?

— Да.

— Это невозможно.

— Я тоже так думала.

Элизабет открыла дверь шире, но не отступила.

— Он обещал, что больше никогда не будет втягивать тебя в это.

Эмили почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Вы знаете меня?

Элизабет молчала.

— Мы никогда не встречались, — продолжила Эмили. — По крайней мере, я вас не помню.

— Конечно, не помнишь.

— Что это значит?

Элизабет посмотрела на неё с выражением, в котором смешались жалость и осторожность.

— Это значит, что Джеймс не должен был присылать тебе эту фотографию.

— Но прислал.

— Тогда он опять опоздал.

Эмили сжала ремень сумки.

— Послушайте, я не прилетела сюда, чтобы выяснять отношения с человеком, которого давно нет в моей жизни. Я хочу понять, почему он написал мне письмо, почему просил найти вас и какое обещание собирался выполнить.

Элизабет посмотрела на неё долгим взглядом.

— А ты уверена, что хочешь узнать правду?

Эмили чуть не рассмеялась.

— Вы представляете, сколько раз мне задали этот вопрос за последние три дня?

— Тогда, возможно, стоит наконец задуматься, почему.

— Потому что все вокруг знают что-то, чего не знаю я.

— Нет, дорогая. Потому что иногда правда принадлежит не одному человеку.

Эмили замолчала.

Элизабет осторожно перевернула фотографию. Её взгляд остановился на надписи на обороте.

Если однажды она всё-таки придёт, не говори ей, что я обещал вернуться.

Женщина побледнела.

— Он оставил это на фотографии?

— Да.

— Боже мой.

Элизабет закрыла глаза и прижала снимок к груди.

Впервые за весь день Эмили увидела в ней не загадочную женщину, не хранительницу чужих секретов, а человека, ко-

торый только что получил весть из жизни, которую давно считал завершённой.

— Он жив? — спросила Элизабет.

Вопрос прозвучал так тихо, что Эмили сначала решила, будто ослышалась.

— Насколько я знаю, да.

— Ты знаешь, где он?

— Нет.

Элизабет отвела взгляд.

— Тогда ты действительно ничего не знаешь.

Эмили почувствовала раздражение.

— Если вы хотите, чтобы я ушла, просто скажите.

— Я хочу, чтобы ты ушла.

Слова прозвучали жёстко.

Эмили кивнула. Она ожидала чего-то подобного, хотя всё равно надеялась, что женщина пригласит её внутрь, поставит чайник и наконец объяснит, почему её жизнь внезапно оказалась связана с людьми, о существовании которых она не подозревала.

— Хорошо.

Она повернулась к калитке.

— Эмили.

Она остановилась.

Элизабет стояла в дверях, всё ещё держа фотографию.

— Ты сказала, что письмо написано десять лет назад?

— Да.

— А когда оно пришло?

— На этой неделе.

Женщина медленно опустила руку.

— Тогда слушай меня внимательно. Ты должна вернуться в Лондон.

Эмили обернулась.

— Простите?

— Уезжай отсюда. Сегодня, если можешь.

— Почему?

— Потому что если это письмо наконец дошло до тебя, значит, кто-то решил, что ждать больше нельзя.

— Кто?

Элизабет не ответила.

— Джеймс?

— Нет.

Одно короткое слово.

Но оно прозвучало так уверенно, что Эмили почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Тогда кто?

Элизабет посмотрела на дорогу за её спиной.

— Я не могу сказать тебе больше.

— Вы не можете или не хотите?

— И то и другое.

Эмили разозлилась по-настоящему.

— Вы все ведёте себя так, будто я ребёнок. Моя мать, Оливер, теперь вы. Все знают, что происходит, но никто не счи-

тает меня достойной объяснения.

— Дело не в том, достойна ли ты.

— А в чём?

Элизабет сжала фотографию.

— В том, что ты можешь узнать не только то, что случилось с Джеймсом. Ты можешь узнать, что случилось с человеком, которым ты его считала.

Эмили почувствовала, как к горлу подступил ком.

— Я уже знаю, что не знала его до конца.

— Нет, дорогая. Пока ты только подозреваешь.

Ветер ударил в открытую дверь.

Где-то вдалеке закричали чайки.

Элизабет отступила на шаг, словно разговор был окончен. Но прежде чем закрыть дверь, она сказала:

— Приходи завтра утром. В десять. Одна.

— Вы только что велели мне уехать.

— Я передумала.

— Почему?

Элизабет посмотрела на фотографию.

— Потому что он написал тебе не просто так.

Она закрыла дверь.

Эмили осталась на крыльце, не в силах пошевелиться.

Впервые с момента получения письма она услышала не намёк, не осторожное предупреждение и не попытку сменить тему.

Она услышала приглашение.

Завтра в десять.

Одна.

Обратно в город Эмили ехала медленно.

Дождь прекратился, и над полями висел туман. Дорога петляла между каменными оградами, а океан то появлялся в просветах между холмами, то снова исчезал.

Она включила радио, но почти сразу выключила.

В голове звучали слова Элизабет.

Ты можешь узнать, что случилось с человеком, которым ты его считала.

Что это вообще могло означать?

Джеймс солгал ей?

Изменил?

Скрыл другую жизнь?

Или всё было сложнее, чем она могла представить?

Эмили не хотела думать о предательстве. Не потому, что считала Джеймса неспособным на него, а потому, что воспоминания о нём всё ещё были слишком живыми. Она помнила его смех, привычку оставлять книги раскрытыми на полу, то, как он всегда грел её холодные руки своими.

Она помнила человека, который однажды сказал, что любит её.

И человека, который через пять лет ушёл, не сумев объяснить почему.

Обе эти версии были настоящими.

По крайней мере, она так думала.

Телефон завибрировал на пассажирском сиденье.

Сообщение от Оливера.

Ты уже в Ирландии?

Эмили ответила:

Да. Я встретила Элизабет.

Ответ пришёл через минуту.

И что она сказала?

Эмили задумалась, потом написала:

Что я ничего не знаю о Джеймсе.

На этот раз Оливер не ответил сразу.

Она уже решила, что разговор окончен, когда экран снова загорелся.

Она не должна была говорить тебе это так рано.

Эмили резко остановила машину на обочине.

Что значит «так рано»?

Три точки появились почти сразу.

Исчезли.

Появились снова.

Эмили, я не могу объяснить это по телефону.

Она сжала телефон.

Тогда объясни, когда сможешь.

Ответ пришёл не сразу.

Есть причина, по которой Джеймс попросил меня никогда не рассказывать тебе об Элизабет. Я думал, что это обещание больше ничего не значит. Но если письмо дошло до

тебя сейчас, я ошибался.

Эмили перечитала сообщение.

Потом набрала:

Ты знал о письме?

Оливер ответил:

Нет. Но я знал, что оно существует.

Машины проезжали мимо, поднимая с дороги мелкие брызги.

Эмили смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться.

Почему ты не сказал мне раньше?

На этот раз ответ был коротким.

Потому что я обещал.

Эмили закрыла глаза.

Ещё одно обещание.

Ещё одна тайна.

Ещё один человек, который решил, что молчание — это форма заботы.

Она написала:

Я больше не собираюсь принимать обещания других людей за объяснение.

И убрала телефон в сумку.

В гостевом доме её ждала Нора.

На кухне пахло супом, а на столе стояла тарелка с хлебом.

— Вы вернулись, — сказала хозяйка.

— Как видите.

— И?

Эмили сняла куртку.

— И я ничего не понимаю.

Нора кивнула с видом человека, который именно этого и ожидал.

— Тогда всё идёт по плану.

— Чьему плану?

— Если узнаете, обязательно сообщите. Мне тоже интересно.

Эмили рассмеялась — впервые за последние несколько часов.

Нора поставила перед ней миску супа.

— Ешьте. На голодный желудок тайны кажутся страшнее.

— А на сытый?

— На сытый хочется спать. Иногда это даже полезнее.

Эмили села за стол.

После ужина она поднялась к себе, достала коробку, которую мать отдала ей накануне, и поставила на кровать.

Она всё ещё не открыла конверт Джеймса.

Теперь он казался не просто письмом из прошлого, а частью разговора, который начался задолго до того, как она узнала о его существовании.

Эмили развязала ленту.

Сначала достала маленький латунный ключ.

Он был старым, с потемневшей головкой и едва заметной

гравировкой на боку. Эмили поднесла его к лампе.

На металле были две буквы:

Е. Н.

Elizabeth Hale.

Она перевернула ключ и увидела маленькую цифру, выбитую у основания.

Семнадцать.

Ключ от дома? От ящика? От камеры хранения?

Она положила его рядом с фотографией.

Потом взяла белый конверт.

На этот раз Эмили не стала медлить.

Она аккуратно вскрыла край и достала сложенный лист.

Почерк Джеймса.

Тот самый наклон букв, который она помнила по запискам, оставленным на кухонном столе, и по смешным сообщениям на обороте чеков.

Эмили,

если ты читаешь это, значит, я не сумел сделать всё так, как обещал.

Она остановилась.

Сердце стучало так сильно, что казалось, его слышно в соседней комнате.

Я знаю, что ты будешь злиться. И у тебя будет на это полное право. Я не прошу тебя прощать меня заранее. Я даже не прошу тебя понимать.

Но если ты всё-таки нашла Элизабет, пожалуйста, вы-

слушай её до конца. Не верь первой версии, которую услышишь. И не пытайся решить за других, что им нужно для счастья. Я однажды совершил эту ошибку.

Эмили медленно опустила письмо.

В конце стояла ещё одна строка.

И если тебе покажется, что я снова ушёл, не делай выводов, пока не узнаешь, откуда именно я пытался вернуться.

Подписи не было.

Только дата.

Десять лет назад.

Эмили перечитала последнюю фразу.

Она не понимала, что она означала.

Но впервые ей пришла в голову мысль, от которой стало по-настоящему страшно.

А что, если Джеймс не просто ушёл из её жизни?

Что, если все эти годы она ошибалась в самом главном — в причине его ухода?

Она подошла к окну.

Вдалеке шумел океан.

Завтра в десять утра Элизабет обещала рассказать ей правду.

И Эмили больше не собиралась уходить, пока не услышит её.

Даже если после этого ей придётся заново познакомиться с человеком, которого она когда-то любила.

Даже если окажется, что некоторые воспоминания были

не ложью, а лишь частью истории, которую ей никто не позволил дочитать до конца.

Она выключила свет и легла, положив письмо на тумбочку.

Сон не приходил.

А за окном океан продолжал говорить на языке, который Эмили пока не понимала.

Но завтра она собиралась научиться его слушать.

Глава 6. Мужчина, которого я помнила

В половине шестого утра Эмили решила, что ненавидит океан.

Не по-настоящему, разумеется. Она никогда не ненавидела океан. Более того, в двадцать пять лет считала его лучшим аргументом в пользу переезда в Ирландию, особенно если сравнивать с лондонскими пробками, дождём, который шёл исключительно по горизонтали, и мужчинами, которые называли эмоциональную недоступность независимостью.

Но сейчас океан шумел за окном так, словно знал ответы на все её вопросы и намеренно отказывался ими делиться.

Эмили перевернула подушку прохладной стороной вверх.

Не помогло.

Она закрыла глаза.

В голове немедленно появился Джеймс.

Если тебе покажется, что я снова ушёл, не делай выводов, пока не узнаешь, откуда именно я пытался вернуться.

— Ненавижу тебя, — прошептала она в темноту.

Через секунду добавила:

— Иногда.

Это было несправедливо. Джеймс не мог ответить на обвинения, о которых даже не знал. Возможно, он вообще не

имел в виду ничего из того, что Эмили теперь приписывала его словам.

Но именно в этом и заключалась проблема.

За последние пять лет она научилась жить с отсутствием ответов. Постепенно превратила их в удобные объяснения.

Он устал.

Он передумал.

Он перестал любить её.

Последняя версия была самой болезненной, но зато самой простой. Если человек перестаёт тебя любить, ничего не нужно расследовать. Можно злиться, плакать, выбросить его вещи в коробку и однажды обнаружить, что больше не плачешь.

А вот если он ушёл по причине, которую ты не знаешь…

Тогда прошлое перестаёт быть прошлым.

Оно начинает требовать твоего внимания.

В шесть двадцать Эмили сдалась, встала с кровати и отправилась на поиски кофе.

Нора уже была на кухне.

Она стояла у плиты, помешивая овсяную кашу, и слушала радио, из которого доносился бодрый голос ведущего, обсуждавшего местный футбольный матч с такой серьёзностью, словно от его исхода зависела судьба всей Ирландии.

— Вы рано, — заметила Нора.

— Я решила, что если не посплю ещё четыре часа, то хотя

бы смогу похвастаться продуктивным утром.

— Это не продуктивность. Это тревожность в красивом пальто.

Эмили посмотрела на свою пижаму.

— Пальто я оставила наверху.

— Тем лучше. Садитесь.

Нора поставила перед ней чашку кофе, тарелку тостов и небольшую баночку апельсинового джема.

— Вы ведь сегодня к Элизабет?

Эмили подняла глаза.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вчера вы вернулись от неё с лицом человека, который собирается либо узнать правду, либо совершить преступление.

— А у вас здесь всегда так внимательно следят за гостями?

— Только за теми, кто приезжает с фотографиями мёртвых историй.

Эмили замерла.

— Мёртвых историй?

Нора, казалось, не заметила, что сказала что-то необычное.

— Старых, я хотела сказать. Старых историй.

— Вы знали Джеймса?

Рука Норы на мгновение остановилась над чашкой.

— Здесь многие знали Джеймса.

— Вы все отвечаете одинаково.

— Возможно, потому что вопрос у вас один и тот же.

— Тогда, может быть, кто-нибудь наконец даст мне нормальный ответ?

Нора села напротив.

Впервые с момента знакомства её лицо утратило привычную насмешливость.

— Милая, я не знаю, что именно вам рассказал Джеймс. И не знаю, что вам собирается рассказать Элизабет. Но я знаю одно: он был хорошим человеком, который слишком часто пытался спасти всех вокруг и слишком редко спрашивал, хотят ли они, чтобы их спасали.

Эмили медленно положила ложку.

— Вы говорите так, будто хорошо его знали.

— Я знала его достаточно, чтобы помнить.

— А что вы помните?

Нора взглянула на часы.

— Сейчас без двадцати восемь.

— И?

— А вы ещё не завтракали.

Эмили откинулась на спинку стула.

— Это невероятно.

— Что именно?

— Способность взрослых людей избегать ответа, используя еду.

Нора рассмеялась.

— Вы мне нравитесь, Эмили Паркер.

— Это взаимно. Но я всё ещё на вас злюсь.

— Прекрасно. Значит, вы не будете принимать всё, что услышите, за чистую монету.

Нора поднялась и убрала чашки.

— И ещё один совет. Когда Элизабет начнёт говорить, не перебивайте её.

— Почему?

— Потому что она может остановиться и больше никогда не продолжить.

Эмили посмотрела на женщину.

— Это угроза?

— Нет, дорогая. Это опыт.

В десять без пяти Эмили стояла перед домом Элизабет.

Она пришла пешком, хотя дорога от гостевого дома заняла почти сорок минут. Ей нужно было проветрить голову, а ещё — занять руки чем-нибудь, кроме бесконечного перелистывания старых воспоминаний.

Она не стала звонить заранее.

Не потому, что боялась услышать отказ.

Просто в этот раз хотела постучать сама.

Дверь открылась почти сразу.

Элизабет была одета в тёмно-синий кардиган и простые серые брюки. Волосы она собрала в низкий пучок. На лице не было ни косметики, ни вчерашнего выражения тревожной

усталости.

— Ты пришла, — сказала она.

— Вы пригласили.

— Люди часто не приходят туда, куда их приглашают.

— Я начинаю понимать почему.

Уголок губ Элизабет дрогнул.

— Заходи.

Дом оказался тёплым и удивительно светлым. На стенах висели фотографии: море в разное время года, старые лодки, дети на берегу, несколько пожилых людей за длинным столом. На полках стояли книги, многие из которых были перечитаны настолько часто, что корешки потрескались.

В гостиной горел камин.

Эмили сняла куртку и заметила на столе две чашки.

— Вы ждали меня?

— Я надеялась, что ты придёшь.

— Вчера вы хотели, чтобы я уехала.

Элизабет взяла чайник.

— Вчера я испугалась.

— Чего?

Женщина поставила чайник на подставку.

— Того, что ты начнёшь задавать вопросы, на которые я не смогу ответить.

— Но сегодня можете?

— Сегодня я хотя бы попробую.

Эмили села на диван.

Несколько минут они молчали. За окном ветер шевелил ветви яблони, и в камине тихо потрескивали дрова.

Элизабет протянула ей чашку.

— Ты была с ним счастлива?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Эмили не сразу поняла его смысл.

— С кем?

Элизабет посмотрела на неё.

— С Джеймсом.

Эмили обхватила чашку ладонями.

— Да.

Ответ прозвучал без колебаний.

Потому что это была правда.

— Очень, — добавила она.

— Даже в конце?

Эмили опустила взгляд.

— В конце мы уже не были счастливы.

— Это не то же самое.

Она подняла голову.

— Что?

— Перестать быть счастливыми вместе и никогда не быть счастливыми вовсе. Это разные вещи.

Эмили почувствовала раздражение.

— Я не приехала сюда, чтобы обсуждать философию отношений.

— Нет. Ты приехала узнать, почему мужчина, которого ты

любила, оставил тебе письмо спустя десять лет.

— Именно.

— Тогда нам придётся начать с того, каким он был до того, как ты его встретила.

Элизабет поставила чашку на стол.

— Джеймс приехал в Килмор, когда ему было девятнадцать. Его мать умерла незадолго до этого, и он не знал, что делать со своей жизнью. Он говорил, что хочет начать всё заново, хотя на самом деле просто не понимал, куда ему идти.

Эмили слушала молча.

— Он вырос в Ирландии, — продолжила Элизабет. — Но когда ему было четырнадцать, отец увёз его в Англию. Они почти не разговаривали. Отец считал, что чувства мешают человеку принимать правильные решения. Джеймс вырос, стараясь доказать обратное.

Эмили вспомнила, как Джеймс однажды сказал ей, что его отец был человеком, который умел чинить всё, кроме собственных отношений.

Тогда она посмеялась.

Теперь эта фраза казалась не такой смешной.

— Когда он вернулся сюда, — сказала Элизабет, — ему нужно было место, где можно было просто побыть. Он помогал в гавани, чинил лодки, работал в кафе у Молли. Иногда приходил ко мне и читал вслух.

— Что читал?

— Всё подряд. Детективы, романы, газеты. Однажды он

три часа читал мне инструкцию к стиральной машине, потому что я сказала, что его голос успокаивает.

Эмили невольно улыбнулась.

Это было похоже на Джеймса.

— А потом он уехал в Лондон?

— Да. Но не сразу.

Элизабет ненадолго замолчала.

— Он уехал, потому что хотел найти человека, которому мог бы рассказать одну историю.

— Какую?

— Свою.

Эмили почувствовала, как внутри снова поднимается тревога.

— Я не понимаю.

— Ты поймёшь. Но сначала мне нужно рассказать тебе о человеке, который был в его жизни задолго до тебя.

Элизабет поднялась и подошла к книжному шкафу. На нижней полке стояла старая деревянная коробка.

Она достала её и поставила на стол.

Внутри лежали фотографии, письма и несколько пожелтевших листов бумаги.

— Её звали Анна.

Эмили перестала дышать на секунду.

— Анна?

— Да.

Имя ничего ей не говорило.

Но то, как Элизабет произнесла его, заставило Эмили почувствовать, что оно должно было что-то значить.

— Кто она была?

— Человеком, которого Джеймс любил.

Эмили поставила чашку на стол.

— Вы хотите сказать, что до меня у него была другая девушка?

— Я хочу сказать именно то, что сказала.

— И вы решили сообщить мне об этом через десять лет?

Элизабет не стала защищаться.

— Я не знала, что он не рассказал тебе.

— Он рассказывал мне о своём детстве, о матери, об Ирландии. Мы говорили обо всём.

— Обо всём?

Эмили замолчала.

Воспоминание возникло внезапно.

Однажды, в самом начале их отношений, она спросила Джеймса, почему он так долго жил один.

Он улыбнулся и ответил:

Я просто не встретил человека, с которым захотелось бы остаться.

Эмили тогда решила, что это романтично.

Теперь она подумала, что, возможно, он просто не ответил на вопрос.

— Что случилось с Анной? — спросила она.

Элизабет провела пальцем по краю коробки.

— Она умерла.

Тишина в комнате стала почти физической.

Эмили почувствовала, как вся её злость на мгновение отступила, уступая место растерянности.

— Мне очень жаль.

— Это было давно.

— Но он любил её?

— Да.

— И вы считаете, что я должна была об этом знать?

Элизабет посмотрела на неё внимательно.

— Я считаю, что ты должна знать, что любовь Джеймса не начиналась с тебя. Но это не значит, что она была меньше, когда он полюбил тебя.

Эмили отвела взгляд.

Она не хотела ревновать к женщине, которая умерла задолго до их знакомства. Это было бы жестоко и бессмысленно.

Но сердце не всегда отличает бессмысленную боль от настоящей.

— Почему он никогда не рассказывал мне об Анне?

— Это тебе лучше спросить у него.

— Я не могу спросить у него. В этом и проблема.

Элизабет медленно кивнула.

— Да. Это проблема.

Они долго сидели у камина.

Элизабет рассказывала об Анне небольшими фрагментами, словно каждое воспоминание приходилось доставать из глубины, где оно хранилось много лет.

Анна была дочерью местного врача. У неё были рыжие волосы, быстрый смех и привычка спорить с любым человеком, который пытался объяснить ей, как правильно жить.

Она хотела стать художницей.

Джеймс познакомился с ней на летнем празднике у гавани. Ему было девятнадцать, ей — восемнадцать.

Они провели вместе три года.

— Они собирались пожениться? — спросила Эмили.

— Нет. По крайней мере, официально не собирались. Они были молоды. Им казалось, что впереди у них бесконечное количество времени.

Элизабет посмотрела на огонь.

— Потом Анна заболела.

Она не стала описывать подробности. Не было необходимости.

Эмили знала, как меняется жизнь, когда болезнь входит в дом. Её отец умер, когда ей было двадцать два. Тогда она впервые поняла, что слово «потом» не всегда означает будущее.

— Джеймс остался с ней до самого конца, — сказала Элизабет. — Он читал ей книги, приносил цветы, спорил с врачами, хотя ничего не понимал в медицине. Он пытался найти способ удержать её здесь. Как будто если достаточно сильно

чего-то хотеть, мир обязан уступить.

— А вы были рядом?

— Да. Я была её крёстной. И почти второй матерью.

Эмили посмотрела на старые фотографии в коробке.

На одной Анна сидела на каменной стене, а Джеймс стоял рядом, держа в руках две бумажные чашки. Он выглядел моложе, чем на снимках, которые Эмили помнила, и улыбался так, будто ещё не знал, что жизнь способна отнимать людей, не спрашивая разрешения.

— После её смерти он уехал, — сказала Элизабет. — Ему казалось, что здесь всё напоминает о том, чего больше нет.

— Поэтому он переехал в Лондон.

— Да.

Эмили задумалась.

— И когда он встретил меня, он уже пережил её смерть.

— Он пережил её в том смысле, что продолжал жить. Но некоторые потери не заканчиваются. Человек просто учится носить их с собой.

Эмили вспомнила их первый вечер в книжном магазине.

Джеймс тогда шутил, улыбался, подбирал ей книгу и смотрел на неё с тёплым любопытством.

Она никогда не думала, что за этой лёгкостью могло скрываться столько боли.

— Он любил меня? — спросила она прежде, чем успела остановить себя.

Элизабет посмотрела ей прямо в глаза.

— Да.

Ответ был простым.

Без красивых слов.

Без утешительных оговорок.

И почему-то именно поэтому Эмили поверила.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он перестал говорить об Анне так, словно его жизнь закончилась вместе с ней. Он начал говорить о будущем.

Эмили почувствовала, как у неё защипало глаза.

— Он рассказывал мне, что хотел вернуться в Ирландию.

— Он хотел показать тебе этот дом?

— Он говорил об океане.

Элизабет улыбнулась, но в её улыбке было что-то печальное.

— Это очень на него похоже.

— Почему он не привёз меня сюда?

Элизабет не ответила сразу.

— Потому что он боялся.

— Чего?

— Что если ты увидишь место, где он потерял Анну, то поймёшь, насколько сильно он может любить. И насколько сильно может бояться снова потерять человека.

Эмили посмотрела на неё.

— Это звучит так, будто вы оправдываете его.

— Нет. Я пытаюсь объяснить, что любовь и страх иногда

живут в одном человеке. Но страх не становится правом решать за другого.

Эти слова попали точно в цель.

Эмили вспомнила, как Джеймс стал меняться в последний год их отношений.

Он чаще молчал. Отменял планы. Иногда просыпался посреди ночи и уходил на кухню, где сидел в темноте, глядя на улицу.

Она спрашивала, что случилось.

Он отвечал, что устал.

Она предлагала поговорить.

Он говорил, что всё в порядке.

И постепенно между ними выросла стена, которую никто не решился разрушить первым.

— Я думала, что он перестал мне доверять, — сказала Эмили.

— Возможно, он перестал доверять самому себе.

— Это не лучше.

— Нет, — согласилась Элизабет. — Не лучше.

Эмили посмотрела на часы.

Прошло почти два часа.

Она приехала сюда, ожидая узнать причину письма, а вместо этого узнала о женщине, которая умерла задолго до того, как Джеймс вошёл в её жизнь.

Она не понимала, как одно связано с другим.

— Я всё ещё не знаю, почему вы были так напуганы, когда увидели фотографию, — сказала она.

Элизабет закрыла деревянную коробку.

— Потому что на фотографии есть кое-что, чего ты не заметила.

Она достала снимок, который Эмили принесла накануне.

Сначала Эмили увидела только дом, море и молодую Элизабет.

Потом женщина указала на край фотографии.

Там, почти за пределами кадра, виднелась чья-то рука.

На запястье были часы с тёмным кожаным ремешком.

Эмили знала эти часы.

Джеймс носил их много лет. Они принадлежали его отцу и были единственной вещью, которую он забрал из дома после их последней ссоры.

— Но это же… — начала она.

— Да.

— Он был здесь, когда сделали фотографию?

— Да.

Эмили нахмурилась.

— Но вы сказали, что снимок старый. Когда он был сделан?

— Десять лет назад.

— Тогда почему Джеймс оставил его у меня? Почему попросил передать вам, если вы уже знали, что он был здесь?

Элизабет посмотрела на неё.

— Потому что эта фотография не предназначалась для меня.

— Но в письме он просил найти вас.

— Именно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.